

С. ДЖ. БЕНЕТ

“Мисс Марпл
в короне”.
DAILY
MIRROR

ЗАДАЧА

НА ТРИ КОРТИ

CORPUS

● СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ●

С. Дж. Беннет
Задача на три корги
Серия «Следствие ведет
Ее величество», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70163563
Задача на три корги : роман / С. Дж. Беннет; пер. с англ. А.
Куприной: АСТ : CORPUS; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-151820-2

Аннотация

Это вторая книга из серии детективных романов, в которых Елизавета II в перерывах между исполнением королевских обязанностей раскрывает преступления. Шерлоку Холмсу для того, чтобы распутать сложное дело, нужно выкурить три трубки. А королеве лучше всего думается, когда она выгуливает трех своих собак в саду Букингемского дворца.

На этот раз Ее Величество расследует пропажу любимой картины и загадочную смерть горничной. Неужели между этими двумя происшествиями существует причудливая связь?

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	56
Глава 7	69
Глава 8	79
Часть вторая	88
Глава 9	88
Глава 10	98
Глава 11	108
Глава 12	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

С. Дж. Беннет

Задача на три корги

Перевод с английского
Анастасии Куприной

© S. J. Bennett, 2021

© А. Куприна, перевод на русский язык, 2024

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2024

© ООО “Издательство Аст”, 2024

Издательство CORPUS ®

С. Дж. Беннет начала свою писательскую карьеру с подростковых романов, которые были удостоены литературных наград, а затем взялась за детективные истории для взрослых. Она живет в Лондоне и уже много лет интересуется жизнью членов британской королевской семьи, но всегда

подчеркивает, что серия ее романов полностью основана на художественном вымысле – и, насколько ей известно, королева никогда втайне не занималась расследованием преступлений.

Подробности о преступлениях и членах королевской семьи можно прочитать на сайте SJBennettBooks.com, в Инстаграм-аккаунте писательницы [@sophiabennett_writer](https://www.instagram.com/sophiabennett_writer) и в Твиттере [@sophiabennett](https://twitter.com/sophiabennett).

Если вы хотите получать рассылку о серии “Следствие ведет Ее Величество” и информацию о британской королевской семье, зарегистрируйтесь на сайте: bit.ly/SJBennett.

Другие книги Си Джей Беннет
из серии “Следствие ведет Ее Величество”:
“Виндзорский узел”

Часть первая

Хладнокровие

*“Я покажу Вашей Светлости, на что способна
женщина”*

*артемизия джентилески
(1593 – около 1654)*

Пролог

Октябрь 2016 года

Сэр Саймон Холкрофт не любил плавать. Когда-то давно, еще в прошлой жизни, в бытность летчиком-курсантом Королевских ВМС, личному секретарю Ее Величества приходилось окунаться в воду во время тренировок. При необходимости он даже смог бы выбраться из тонущего в Атлантическом океане вертолета, но перспектива болтаться туда-сюда в крытом бассейне его совсем не привлекала. И все же, приближаясь к почтенным пятидесяти четырем годам, он стал носить брюки на пару сантиметров шире в талии, чем хотелось бы, а придворный врач все чаще рекомендовал следить за уровнем холестерина. Нужно было держаться из последних сил – и это касалось не только пуговицы над ширинкой.

Сэр Саймон чувствовал, что устал, совсем одряб. Вчера, возвращаясь из утомительной поездки в Шотландию, он сидел в машине и рассуждал, что ему не стоило так налегать на кекс Данди – лучше бы предложил королеве сопровождать ее еще на паре-тройке прогулок по пересеченной местности. Закрыв за собой дверь коттеджа в Кенсингтонском дворце, он дал слово, что возьмет себя в руки.

Последние пару недель в Балморале высосали из него все соки. Мошки как будто устроили собственные Игры горцев и решили закатить по этому поводу пир. Вдобавок, почти каждое утро он обсуждал с принцем Филипом детали программы предстоящей реставрации, а по ночам совещался по телефону с другими придворными, докладывая им о последних предложениях и вопросах герцога Эдинбургского, не забывая и про свои идеи. Не успеешь они доделать всю документацию к назначенному слушанию в парламенте, первые полосы газет месяцами трубили бы об их сказочном головоунытии.

Прилив сил – вот чего ему не хватало. Надо освежиться. Бассейн Букингемского дворца подходил для этого как нельзя кстати, хоть и не вызывал у сэра Саймона особого энтузиазма. Обычно персонал не пользовался бассейном, когда члены королевской семьи находились в резиденции. Проблема заключалась в том, что личный секретарь Ее Величества всегда был там же, где и королева. Но в тот вечер, стоя в спальне коттеджа в Кенсингтонском дворце и опрометчиво бросив взгляд на свое отражение в зеркале, еще и в пол-

ный рост, Саймон Холкрофт решил рискнуть и заскочить в бассейн с утра пораньше. Он молился, чтобы его искусанное мошкаррой тело в трещащих по швам плавательных шортах от “Вилебрекан” случайно не увидел какой-нибудь молодой атлетичный адъютант или – еще хуже – сам герцог Эдинбургский, пожелавший окунуться перед тем, как приступить к своим королевским делам.

Сэр Саймон прошел через Гайд-парк, затем двинулся на юг по Грин-парку – это один из немногих сорокаминутных маршрутов по центру Лондона, где кругом зелень, – и к половине седьмого утра уже был во дворце, как раз вовремя. Он по глупости поддел плавательные шорты под брюки, так что вышло вдвойне неудобно. Положив портфель на письменный стол в своем кабинете, он набросил пиджак на деревянную вешалку, повесил ее на стойку для шляп и снял броги. Аккуратно сложенный шелковый галстук, на этот раз с крошечными розовыми коалами, сэр Саймон для надежности засунул в левый ботинок. Затем, накинув на плечо рюкзак с купальным полотенцем, он посеменял в одних носках к северо-западному павильону – к счастью, расположенному совсем недалеко. На часах было без пятнадцати семь.

Павильон примыкал к Северному крылу, окна которого выходили на Грин-парк. Изначально Джон Нэш¹ спроектировал это здание как теплицу, и сэр Саймон всегда считал,

¹ Джон Нэш (1752–1835) – британский придворный архитектор, который занимался реконструкцией Букингемского дворца во время правления Георга III.

что лучше бы оно ею и оставалось. Его мать любила растения, поэтому оранжереи в его глазах служили храмом во славу природы, на фоне которых бассейн с подогревом смотрелся слегка пошло. Тем не менее в тридцатые годы отец королевы решил переоборудовать теплицу, чтобы его маленьким принцессам было где поплавать. И вот павильон превратился в бассейн с греческими колоннами снаружи и выдавшей виды плиткой в стиле ар-деко внутри, который нуждался в ремонте не меньше, чем многие другие закоулки Букингемского дворца, скрытые от посторонних глаз.

В бассейн можно было попасть из главного здания, зайдя в дверь с приклеенной к ней инструкцией по пожарной безопасности и табличкой о запрете на плавание в одиночестве, которую сэр Саймон проигнорировал. В коридоре за дверью было удушающе влажно. Хорошо, что галстук остался в кабинете. Он зашел в мужскую раздевалку, снял сорочку, носки, брюки и перекинул через руку полотенце. Вдруг его взгляд упал на граненый стакан, стоявший на одной из скамеек. Очень странно, ведь королевская семья только вчера вечером вернулась из поездки на Шотландское высокогорье. Должно быть, молодежь решила отпраздновать возвращение домой. В бассейн запрещено приносить стекло, но кто же станет указывать принцам и принцессам, что можно, а что нельзя делать в доме их бабушки. Сэр Саймон мысленно поставил галочку, чтобы не забыть обратиться в хозяйственную службу с просьбой здесь прибраться.

Он ополоснулся в душе, прошел в зону с бассейном, где в окнах виднелся сад с клонившимися друг к другу платанами, и приготовился вздрогнуть от ощущения холодной воды на задубевшей плоти.

Он действительно вздрогнул, но вовсе не от воды.

Сначала мозг отказался воспринимать увиденное. Это что, одеяло? Какая-то игра света? Бурое пятно на зеленом кафельном полу. И прямо посередине – нога, обнаженная до колена. Женская нога. Зрелище отпечаталось на сетчатке. Он моргнул. Два шага вперед, дыхание сбилось и участилось. Еще два, и он оказался посреди лужи крови, склонившись над всем этим кошмаром. В темной влаге, свернувшись калачиком, лежала женщина, одетая в светлое платье. Ее губы посинели, глаза были открыты и смотрели невидящим взглядом. Правая рука лежала вдоль ног ладонью кверху. Вся в пятнах запекшейся крови. А левая была протянута к кромке воды, где виднелась граница багровой лужи. Сэр Саймон почувствовал, как ритмично бьется в ушах его собственная кровь: раз-два, раз-два.

Осторожно опустившись на колени, он приложил к ее шее негнущиеся пальцы. Пульса не было, да и мог бы он быть у человека с такими глазами? Сэр Саймон потянулся к лицу, чтобы прикрыть веки, но остановился, решив, что, пожалуй, не стоит этого делать. Ее волосы, окрасившиеся в красный, разметались вокруг головы, словно ореол. На лице застыло выражение удивления. Или это только так казалось? Она вы-

глядела такой хрупкой, что, будь она жива, он мог бы с легкостью подхватить ее на руки и отнести в безопасное место.

Поднимаясь, сэр Саймон почувствовал острую боль в колене. Когда он попытался стереть кровь с кожи, на подушечках пальцев оказались песчинки. Присмотревшись, он разглядел мелкие осколки толстого стекла. Теперь его собственная кровь, выступившая из пореза на ноге, смешивалась с ее кровью. И тогда он увидел их – осколки разбитого стакана, будто кристальные руины, торчащие из багрового моря.

Он узнал это лицо, эти волосы. Как она оказалась здесь со стаканом виски? Ноги не слушались, Саймон Холкрофт кое-как заставил себя выйти на улицу, чтобы позвать на помощь. Хотя и понимал, что ей уже никто не поможет.

Глава 1

Три месяца назад...

– Филип?

– Да? – Приподнятая бровь герцога Эдинбургского показалась над сложенной пополам “Дэйли Телеграф”, подпертой горшочком меда.

– Ты знаешь эту картину?

– Какую из? У тебя их тысяч семь, не меньше, – съязвил он, просто чтобы повредничать.

Королева незаметно вздохнула и собиралась было объяснить: “Та, на которой изображена «Британия»². Она висела у входа в мою спальню”.

– А, та убогая картинка австралийца, который никак не научится рисовать корабли? Ты про нее?

– Да.

– Знаю.

– Так вот, вчера я видела ее в Портсмуте, в Семафор-Хаус. На выставке маринистов.

– Логично, там же нарисована яхта, – буркнул Филип, не отрывая взгляда от первой полосы газеты.

² Королевская яхта “Британия” – судно, построенное специально для Ее Величества Королевы Елизаветы II. Сегодня “Британия” – корабль-музей, пришвартованный в терминале шотландского порта Лейт в Эдинбурге.

– Ты меня не так понял. Я принимала там новую стратегию цифровизации военно-морского флота, и по этому случаю в вестибюле повесили несколько картин морской тематики, – пояснила королева. Утвердить новый план цифровизации, подразумевающий оснащение флота по последнему слову техники, – задача куда более нетривиальная, чем посещение художественной выставки. – В основном там были практически одинаковые изображения линкоров. Конечно, не обошлось без яхты J-класса с поднятыми парусами в порту Саутгемптона – куда же без нее. А прямо рядом с ней – наша “Британия” шестьдесят третьего года!

– Ну и как ты поняла, что наша? – спросил Филип, все еще не поднимая взгляда.

– Я сразу ее узнала, – отрезала королева. Ее задело и расстроило неожиданное отсутствие заинтересованности с его стороны. – Я знаю свои картины.

– Несомненно, все семь тысяч. Что ж, поручи прислуге ее забрать.

– Уже.

– Отлично.

Королева почувствовала, что ее муж раздражен сильнее обычного, потому что статья в “Дэйли Телеграф”, вероятно, посвящена брекситу. Кэмерон ушел³, в партии бардак, да и кругом чудовищная неразбериха... Какая-то картина ничем не примечательного художника, написанная задолго до

³ Дэвид Кэмерон – премьер-министр Великобритании в 2010–2016 годах.

присоединения Британии к общеевропейскому рынку, сейчас вряд ли имеет значение. Королева бросила взгляд на пейзажи Стаббса⁴ с чудесными лошадьми, украшавшие стены парадной столовой дворца. Много лет назад Филип сам изобразил ее здесь, читающей газету. И может даже показаться, что ему это удалось гораздо лучше, чем человеку, написавшему “Британию”. Тем не менее когда-то эта картина была ей очень дорога. Королева никому не рассказывала, но в некотором смысле это была ее любимая картина. Поэтому она твердо решила, что вернет ее.

Через несколько часов в кабинет королевы в Северном крыле вошла Роза Ошоди, чтобы забрать красные коробки с официальными бумагами, переданные утром Ее Величеству. Роза стала помощницей личного секретаря королевы несколько месяцев назад, после непродолжительной службы в армии, а затем в частном банке. Она была еще сравнительно молода для этой работы, но до сих пор прекрасно с ней справлялась, в том числе – и, возможно, особенно – с ее непротокольной частью.

– Появились какие-нибудь новости? – спросила королева, подняв глаза от последней газеты из целой стопки.

Накануне Роза было поручено выяснить, как картина с изображением бывшей королевской яхты оказалась там, где

⁴ Джордж Стаббс (1724–1806) – английский художник и ученый-биолог, один из ведущих европейских художников-анималистов.

оказалась, и организовать ее скорейшее возвращение.

– Да, мэм, но вам они не понравятся.

– Неужели? – Такого она не ожидала.

– Я обратилась к управляющему снабжением военно-морской базы, – объяснила Роза, – и он сказал мне, что произошло недоразумение. Художник, должно быть, нарисовал не одну версию “Британии” в Австралии. Эту картину одолжил для выставки Второй морской лорд⁵. На ней нет никакой таблички или дарственных надписей. Оказалось, что она из коллекции министерства обороны и уже много лет висит в его кабинете.

Королева посмотрела на помощницу личного секретаря сквозь бифокальные линзы очков⁶.

– Действительно, вышло недоразумение. Последний раз я видела эту картину в девяностых годах двадцатого века.

– Мэм?

– Нет никакой второй версии, – заявила королева с воинственным блеском в глазах. – У Второго морского лорда моя картина, только в другой раме. Но висит она в его кабинете слишком долго, это уж точно.

⁵ Второй морской лорд и заместитель начальника военно-морского штаба – одна из высших адмиральских должностей ВМФ Великобритании. Второй морской лорд отвечает за персонал, оборудование и инфраструктуру военно-морского флота.

⁶ Бифокальные линзы – тип линз, предназначенный для людей, которым необходима коррекция зрения для различных расстояний. Они позволяют видеть вдаль, а также читать и работать с близко расположенными предметами.

– А... Да, теперь я поняла. – По глазам Розы было видно, что она ничего не поняла.

– Не могли бы вы вернуться туда и выяснить, в чем дело?

– Конечно, мэм.

Ее Величество поставила свою подпись на документе, лежавшем на столе, и положила его обратно в коробку. Помощница личного секретаря подхватила стопку бумаг и оставила королеву наедине с ее мыслями.

Глава 2

– Мы в смертельной ловушке!

– Брось, Джеймс. Ты преувеличиваешь.

– Вообще нет! – Хранитель тайного кошелька бросил сердитый взгляд на личного секретаря, сидевшего за антикварным письменным столом. – Ты хоть знаешь, сколько здесь нашли вулканизированного каучука?

– Я даже не знаю, что это такое. – Сэр Саймон приподнял левую бровь, выражая веселье и заинтересованность. На должности личного секретаря он отвечал за организацию официальных визитов королевы и ее отношения с правительством, но на деле его волновало все, что имело к ней отношение. И утверждение о том, что Букингемский дворец – это смертельно опасное место, определенно попадало в эту категорию.

Его посетитель, сэр Джеймс Эллингтон, отвечал за финансы королевской семьи. Он работал с сэром Саймоном много лет, и в бодрых десятиминутных прогулках, которые он совершал от своего стола, расположенного на верхнем этаже Южного крыла, до кабинета сэра Саймона на первом этаже в Северном крыле, где он мог пожаловаться на очередное фиаско, не было ничего необычного. Не секрет, что за привычной сдержанностью и бесстрастным выражением лица любой англичанин прячет потребность рассказать во всех

красках о том, что довело его до белого каления, в приватной беседе с другим англичанином. И в этот раз сэр Саймон обнаружил, что его друга необычайно беспокоит вопрос вулканизированного каучука. Что бы это ни было.

– Резину обрабатывают серой, чтобы она стала прочнее, – объяснил сэр Джеймс. – А затем используют ее в изготовлении оболочек для кабелей. По крайней мере, так было полвека назад. Сначала все хорошо, но со временем, под воздействием воздуха, света и других факторов среды, резина постепенно становится хрупкой. Истончается.

– Надо же, прямо как мои нервы после разговора с тобой! – заметил сэр Саймон.

– Очень смешно. Ты даже не представляешь, какая это угроза.

– Хорошо-хорошо, так и в чем же заключается опасность хрупкой вулканизированной резины?

– Оболочка разрушается. Кабели нужно было менять еще лет тридцать назад. Мы знали, что дело плохо, а тут в прошлом месяце случилось задымление на чердаке – и оказалось, что там чертовы гнезда из этих проводов, которые буквально рассыпаются в руках! Ты только представь, у нас же вся проводка в здании держится на честном слове! Сотни миль этих кабелей. Одно короткое замыкание – и пуфф! – воскликнул сэр Джеймс, изобразив правой рукой элегантный жест, означающий дым или небольшой взрыв.

Сэр Саймон прикрыл глаза. Он прекрасно представлял се-

бе опасность пожара. На ликвидацию последствий трагедии в Виндзорском замке, произошедшей в девяносто втором году, ушло пять лет и несколько миллионов фунтов стерлингов. Чтобы помочь оплатить ремонт, Букингемский дворец открывали для посетителей каждое лето. К сожалению, когда здесь проводили проверку, чтобы перестраховаться, выяснилось, что тут еще опаснее. Работы по замене проводки постоянно планировались, но каждый раз переносились из-за каких-то сложностей.

– Так, и что ты предлагаешь? – спросил он. – Переселить ее?

Уточнять, кого именно предлагалось или не предлагалось переселить, не было необходимости.

– Да, по-видимому, стоит, притом срочно. Естественно, уезжать она не захочет.

– Безусловно.

– Мы подняли этот вопрос в прошлом году, она явно была не в восторге, – мрачно размышлял сэр Джеймс. – Я ни в коем случае ее не виню. Если она и согласится куда-то переехать, то только в Виндзор, чтобы придерживаться своего распорядка и не создавать на М4 пробку из послов, министров и почетных гостей, вечно снующих туда-сюда. Чтобы она могла туда въехать, замок придется ремонтировать. Она и в спартанских условиях смогла бы жить, если бы пришлось, но... Были бы деньги.

– А ты говорил, что денег нет, – заметил сэр Саймон.

– Все верно, – вздохнул сэра Джеймс и поднял глаза к небу. – Букингемский дворец почти превратился в руины. Был бы это многоквартирный дом в Бирмингеме, эксперты повесили бы объявление на входную дверь и запретили бы жителям в него возвращаться, пока его не отремонтируют. Но это действующий дворец, поэтому мы не можем так сделать. Программа реставрации почти согласована, мы как раз ее дорабатываем – скорее всего, получим на нее дополнительный миллион или два... Ой, совсем забыл: ты же помнишь Мэри, мою секретаршу? Которая очень продуктивно работает, всегда вовремя отвечает на электронные письма, знает все, что касается реставрации, да и в принципе очень талантливая девушка?

– Ну?

– Я только что получил ее заявление об увольнении. Всех подробностей я не знаю, но сегодня утром она была вся в слезах. Так что...

Рассказ сэра Джеймса прервала Роза. Она вошла в кабинет личного секретаря и поставила красную коробку с бумагами на мраморный консольный столик возле двери, чтобы позже его забрал служащий из кабинета министров.

– Все в порядке? – обратился к ней сэра Саймон.

– Почти. Как мне узнать, передавали ли мы в девяностые картину из личной коллекции королевы в министерство обороны?

Поскольку этот вопрос не представлял для сэра Джеймса

никакого интереса, он предпочел удалиться.

Рози проводила его любопытным взглядом. Тем временем сэр Саймон облокотился на стол и сложил руки домиком, сосредоточившись на поиске ответа на заданный вопрос. “Он так ловко переключается между задачами, – думала Рози, – как гимнастки, летающие на разновысоких брусьях, или скачущие по веткам белки”.

– Хм... Можно обратиться в Королевский фонд коллекций, – предположил он. – Они отвечают за личные произведения искусства королевы и другое имущество Короны. Думаю, они в курсе. А мы тут при чем?

– Босс видела ее в Портсмуте, – объяснила Рози. – В министерстве обороны говорят, что это их картина. А она утверждает, что подарок ей вручил сам художник. Звучала она очень уверенно.

– Не сомневаюсь. А как они это объяснили?

– Сказали, что таких картин две.

Сэр Саймон присвистнул про себя.

– Умно! А у художника можно спросить?

– Нет, он мертв, я проверила. Его зовут Вернон Хукер. Скончался в 1997 году.

– И много кораблей он написал?

– Сотни! Погуглите.

Рози ждала, пока сэр Саймон заглянул в компьютер и ввел имя художника в поиск по изображениям, и инстинктивно

отпрянула.

– Господи, он хоть раз видел настоящий корабль?!

Рози не была экспертом в морской живописи, но реакция сэра Саймона ее не удивила. Вернон Хукер любил изображать свои объекты в ярких цветах, полностью пренебрегая законами светотени. На его картинах преобладали изумрудно-зеленый, синий электрик и сиреневые тона, гораздо в большей степени, чем можно было бы ожидать от изображений преимущественно моря и неба. Но в то же время одним из любимых художников королевы был Теренс Кунео, чьи картины с поездами и батальными сценами тоже было трудно назвать монохромными. И к удивлению Рози, когда она вчера искала произведения Хукера в интернете, оказалось, что его работы обычно продавались за тысячи фунтов стерлингов. И коллекционеры часто собирали его работы.

– Может быть, они и правы? – сказал сэр Саймон, снова глядя на экран. – Министерство, я имею в виду. Тут мазни на десятки страниц гугла! Держу пари, что этот Хукер получил бы больше денег за королевскую яхту в цветах “Дэй-Гло”⁷, чем за обычный третьесортный морской пейзаж! У него, наверное, таких картин целая куча.

– Королева непреклонна. И кстати, других его изображений “Британии” я найти не смогла.

– Как я и говорил, стоит обратиться к Нилу Хадсону из

⁷ “Дэй-Гло” (англ. Day-Glo Color Corp.) – американский производитель краски, специализирующийся на флуоресцентных пигментах.

Королевского фонда коллекций. Узнайте, не отдавали ли мы эту картину. Думаю, за двадцать лет в министерстве обороны уже устали ею восхищаться.

– Хорошо, – ответила Роза и сменила тему. – Мне показалось, что сэр Джеймс смутился. Я вам не помешала?

– Наоборот! Вы вытащили нас из круга экзистенциального отчаяния. Чертова реставрация, его секретарша уволилась, во дворце нашли вулканизацию или типа того... Какие-то проблемы с проводкой. Похоже, что находиться в Букингемском дворце смертельно опасно.

– Фух, ну и ладненько, – беззаботно отозвалась Роза, направляясь к выходу. – Реставрация звучит очень дорого.

– Так и есть. Бюджет уже перевалил за триста пятьдесят миллионов. Нужно, чтобы парламент согласовал смету в ноябре, а они даже зарплату себе повысить не могут.

Роза остановилась в дверях.

– Оно и понятно, это же второй по известности дом в мире.

– Да, но... триста пятьдесят миллионов. – Сэр Саймон сложил руки на груди, стараясь не примять манжеты сорочки, и уныло уставился на экран компьютера. – Почему-то, когда мне называли сумму в триста миллионов, я не так сильно переживал.

– Это же бюджет на десять лет, – успокоила его Роза. – Реставрация наверняка закончится раньше срока и пройдет в рамках бюджета, как было с Виндзорским замком. А за

ремонт Вестминстерского дворца, если я правильно помню, парламент предоставлял счет на четыре миллиарда.

Личный секретарь Ее Величества немного повеселел.

– Вы абсолютно правы, Роза. Не обращайте внимания на мое брюзжание, мне просто нужен отдых. Откройте мне секрет, как вам удается сохранять бодрость духа?

– Я просто занимаюсь спортом и много гуляю на свежем воздухе, – решительно заявила она. – Очень рекомендую.

– Не дерзите старшим, юная леди! Между прочим, я в отличной форме для моих-то лет.

Роза в любом возрасте – на тот момент ей минуло тридцать – была в отличной форме. Она широко улыбнулась и направилась в свой кабинет, расположенный по соседству.

Сэр Саймон старался не подавать виду, но замечание Розы его задело. Она была высокой, чрезвычайно привлекательной молодой женщиной с короткой идеальной стрижкой афро и подтянутой фигурой. Уровень ее физической подготовки практически не изменился со времен службы в королевской конной артиллерии. Сэр Саймон, между тем, был на четверть века старше – колени уже не те, да и спина периодически побаливала. В молодости, во время службы пилотом вертолета или чуть позже – дипломатом в министерстве иностранных дел, он тоже обладал атлетическим телосложением. В колледже занимался греблей, был звездой на поле для регби и блестяще играл в крикет. Но с возрастом количе-

ство потребляемого кларета⁸ росло обратно пропорционально времени, проведенному с веслом, мячом или крикетной битой. И с этим срочно нужно было что-то делать.

⁸ Кларет – общее название для некоторых сухих красных вин.

Глава 3

Вернувшись в свой кабинет, Рози села за стол, открыла ноутбук и просмотрела несколько сохраненных картинок. Затем попросила управляющего снабжением военно-морской базы в Портсмуте прислать ей фотографию картины, на которой изображена “Британия”, чтобы иметь о ней хоть какое-то представление. На снимке, который он прислал, была королевская яхта с развевающимися флагами в окружении небольших судов, а на заднем плане – плоский участок суши. Рози на секунду задумалась, почему эта картина так нравится Боссу. У нее же есть Тернер, да Винчи, в Виндзорском замке висит чудное полотно Рембрандта – за него Рози без раздумий отдала бы свой мини-купер.

Управляющий твердо стоял на своем. В кабинете у Второго морского лорда – вице-адмирала, отвечающего за все “людские” дела на флоте, – висит множество картин, законно переданных из коллекции министерства обороны. Произведения искусства, позаимствованные из других мест, подлежат строгому учету и всегда возвращаются назад в надлежащем виде, в надраенных до блеска рамах. “Британии” в реестре нет. Должно быть, художник написал две такие картины.

И все же королева была уверена, что это не так.

Рози позвонила арт-дилеру художника в Мейфэре⁹. Он слыхом не слыхивал ни о каких других картинах с изображением “Британии”, принадлежавших кисти его покойного клиента, но предложил на всякий случай связаться с сыном Хукера.

– Дон спец по наследству отца. Ему самому уже седьмой десяток пошел, но он еще хоть куда. В Тасмании живет. Сейчас там уже вечер, но вы все равно позвоните, он вам в помощи не откажет.

Рози подумала, что это было бы слишком мило с его стороны, а потом вспомнила, от чьего имени звонит. Да уж, сын художника вряд ли откажется немного подсобить королеве. Обычно люди от таких просьб не отказываются.

Дон Хукер оказался точь-в-точь таким, каким его описал арт-дилер.

– Королевская яхта в Хобарте¹⁰, на регате? Да-да, припоминаю. То ли в шестьдесят втором дело было, то ли в шестьдесят третьем. К нам еще Ее Величество приезжала. Отец часто мне об этом рассказывал. Да-да. Вы не представляете, как он гордился этой картиной. Отец мой тот еще монархист был, и тогда вот она, эта прекрасная леди, обошла на своей яхте весь мир. Он не пропускал ни одного выпуска новостей о ее путешествии и нас слушать заставлял – хотя, если

⁹ Мейфэр – престижный район в центре Лондона между Гайд-парком и Грин-парком. В этом районе находится Королевская академия художеств.

¹⁰ Хобарт – столица австралийского штата Тасмания.

уж совсем по-честному, Рози, я был тогда еще совсем юнцом и мне было все равно. Но отец был в восторге. У него еще на стене карта висела, и он на ней отмечал малюсенькими зелеными булавками те места, где она побывала. Открытки собирал, кружки – да все подряд. Он говорил, что она в том путешествии была так счастлива, и ему хотелось, чтобы у нее осталось что-нибудь на память. “Частичка той радости” – вот как он говорил. Картину-то отец написал по фотографии из газеты, цвета яркие добавил, так-то вот... Потом даже из самого дворца благодарственное письмо получил, еще и на гербовой бумаге! В нем говорилось, что Ее Величество восхищена тем, как красочно ему удалось изобразить “Британию”. В единственном экземпляре такой шедевр. Отец его сохранил в архиве. Если хотите, я могу хорошенько в нем покопаться и...

Когда Рози перезвонила управляющему из министерства обороны и передала разговор с сыном художника, его вера в теорию с несколькими картинами слегка пошатнулась.

– Может быть, у нас репродукция? – предположил он. – Я полностью с вами согласен, что ситуация странная, но могу вас заверить, что эта картина принадлежит министерству обороны.

В следующий раз, по просьбе Рози, к королеве отправился сэр Саймон, чтобы ненавязчиво рассказать ей о ходе дела.

– Она говорит, что это ее оригинал, а никакая не репродукция, – сообщил он Рози по возвращении. – Узнайте, как к

ним попала картина, и передайте, чтобы прекращали тянуть время. Терпение Ее Величества на исходе.

– Как Босс поняла, что это оригинал? – требовала ответа Розы. – Она же видела ее мимоходом и при плохом освещении во время официального визита по совершенно другому поводу. Это же была импровизированная выставка в военно-морском штабе, в конце-то концов!

– Понятия не имею, но она уверена на все сто процентов. Если королева уверена на все сто, Розы точно справится с задачей.

– Поближе к свету.

Королева слегка изменила наклон головы и почувствовала, как затекает шея.

– Вот так?

– Чудно, мэм. Просто идеально.

Она прикрыла глаза. В Желтой гостиной, оборудованной для рисования, было хорошо и спокойно. Сквозь массивный сетчатый тюль было видно, как солнечные лучи отражаются от позолоченной статуи Крылатой Победы, венчающей мемориал королевы Виктории, – или “Именинный пирог”, как в шутку называли его гвардейцы. Теплый свет падал на левую щеку Ее Величества. Если бы не было необходимости сохранять эту дурацкую позу, она бы с удовольствием задремала...

Держать позу! Она резко открыла глаза и устремила

взгляд на китайскую пагоду в углу. Пагода состояла из девяти ярусов и почти упиралась в потолок. Тройродный прапрадядя королевы, Георг IV, все делал от души.

– Все ли в порядке?

– В полном! Осталось совсем чуть-чуть. Еще пара минут, и можно будет расслабить плечи.

Лавиния Хоторн-Хопвуд стояла у мольберта, делая предварительные наброски для портрета королевы. Будучи очень чуткой, художница понимала, как тяжело приходится ее натурщикам, поэтому старалась свести дискомфорт к минимуму. В частности, по этой причине Ее Величество очень любила ей позировать. Как говаривал Гарри: “Если бы это были скачки, я бы точно поставил на нее”. (Какое точное выражение! Королева обожала скачки. Ей всегда казалось, что, если бы обстоятельства сложились иначе, из нее мог выйти отличный жокей.)

– Над чем вы сейчас работаете?

– Глаза, мэм. Это самая сложная часть.

– Понимаю, – отозвалась королева. В окне она видела, как люди фотографируются на фоне парадных ворот. Кажется, один из них танцует – может быть, это очередной модный тренд в соцсетях, о которых ей рассказывала Евгения? Королева прищурилась, чтобы получше разглядеть.

– Прошу прощения, мэм...

– Да? – Очнувшись от мыслей, она поняла, что помешала работе художницы, и та на мгновение остановилась. – Прошу

меня извинить, так лучше?

– Спасибо! Еще минутка и... Ну вот! Один готов. Уф. Если хотите, я принесу вам воды.

– Глоточек чая был бы очень кстати.

Возле локтя королевы появились фарфоровые чашка и блюдце, любезно предоставленные Сэнди Робертсоном, ее пажом. Попробовав дарджилинг, она незаметно потянулась и потерла затекшее колено, пока художница увлеченно рассматривала свои наброски.

Рядом вели запись две камеры на штативах и студийный микрофон. Трое молодых людей, одетых в форменные футболки и брюки, тихонько перебежали от аппаратуры к предназначенным для них стульям у дальней стены – и обратно. Рядом с ними стоял долговязый юноша в красно-синей форме служащих королевского двора, который то помогал им, то отгонял в сторону, когда было необходимо. Это велась работа над документальным фильмом “Искусство королевы” или вроде того – с названием еще не определились. Оно должно было подчеркивать не только принадлежность произведений искусства королеве, но и ее вклад в их создание.

В этот день снимали процесс создания последнего шедевра, для которого Ее Величество согласилась позировать, – бронзового бюста. “Нужно было пригласить еще одну съемочную группу, чтобы она записывала съемку, – размышляла она про себя, – чтобы закольцевать композицию. Или чтобы кто-нибудь написал книгу о том, как снимали подготовку

эскиза... ad infinitum¹¹». К тому времени она уже привыкла, что ее используют и наблюдают за ней; что она представляет собой такой источник восхищения, что даже за ее наблюдателями тоже кто-то наблюдает.

– Бюст будет в натуральную величину? – спросила королева Лавинию.

Ответ был ей известен, но она знала о необходимости вести светскую беседу для камер – и что эта беседа ни в коем случае не должна касаться недавних чудовищных событий: развода Лавинии и ареста ее сына за торговлю наркотиками в школе-пансионе. Эта несчастная женщина имеет право на конфиденциальность.

– Да, – ответила Лавиния, продолжая рассматривать эскизы, разложенные на столике возле мольберта. – Даже, наверное, чуть крупнее. В Лондонском королевском обществе хотят, чтобы ваша скульптура заметно выделялась.

– Занятно. А что же предыдущая? Она тоже была немного крупнее?

– Кажется, да, мэм. Если меня не обманывает память. Вам понравилось?

– О, да. Думаю, получилось очень удачно. Спасибо, что не изобразили меня... – Королева надула щеки, и Лавиния засмеялась. – Похожей на мою прапрапрабабушку.

Тучную, обрюзгшую, старую.

¹¹ Ad infinitum – латинское крылатое выражение, в переводе означает: “до бесконечности”.

– Мне важно, чтобы вы всегда сияли, – сказала Лавиния, снова встав за мольберт. – Даже в бронзе! Итак, вы готовы продолжить, мэм? Не могли бы вы слегка повернуть голову так, чтобы вам было видно мою ладонь? Так, еще немного. Замечательно...

Работая над эскизом, художница не забывала поддерживать непринужденную беседу. Когда натурщики разговаривали, ей удавалось заметить больше важных деталей, чем когда они сидели молча. Например, когда королева двинулась, ее лицо тут же оживлялось. А в неподвижном состоянии она могла казаться мрачной и недовольной, хотя это было совсем не так.

– Вы бывали в последнее время на каких-нибудь интересных выставках? – спросила Лавиния и тут же пожалела об этом. Все-таки стоило поговорить о скачках.

Но королева, кажется, вовсе не возражала.

– В следующем году мы как раз откроем одну выставку, которую я с нетерпением жду, – поделилась она. – “Каналетто в Венеции”. У нас довольно много его картин. – Говоря это, она имела в виду самую большую коллекцию в мире. – Георг III приобрел их оптом у Джозефа Смита¹², который в то время был консулом в Венеции. Мне всегда казалось, что для такого выдающегося человека у него поразительно скучное имя.

¹² Джозеф Смит (1682–1770) – дипломат, британский консул в Венеции, антиквар, коллекционер произведений искусства и меценат.

– Ничего себе, – изумилась Лавиния.

Королева улыбнулась про себя. Недавно она оживленно беседовала на эту тему с хранителем королевской картинной галереи. За несколько десятков лет жизни в окружении произведений Каналетто она тщательно их изучила, хотя собственные впечатления от Венеции были ей ближе. Она посетила ее во время путешествия из Анконы¹³ на корабле “Британия” в тысяча девятьсот шестидесятом – или это было в шестьдесят первом? Они с Филипом прибыли на старинный островок Торчелло и катались там на гондоле при луне...

Она вспомнила свои первые путешествия на королевской яхте. Италия, Канада, острова Тихого океана... “Британию” обставляли после войны, в период жесткой экономии, поэтому интерьер там был скорее практичным, нежели экстравагантным. Такой стиль лучше соответствовал характеру королевы, чем окружавшие ее теперь роскошь и позолота. Какое же это было счастье: она, Филип и команда первоклассных “йотти”¹⁴ в увлекательном путешествии по миру – и даже его самым отдаленным уголком. Сколько чудесных воспоминаний! И “убогая картинка австралийца” магическим образом пробуждала в памяти некоторые из них.

– Еще я видела одну из моих картин на выставке, органи-

¹³ Анкона – город-порт у побережья Адриатического моря в Италии.

¹⁴ Йотти – так называют моряков, которые служили на яхте “Британия” с 1954 по 1997 год. В 1989 году они основали Ассоциацию королевских яхтсменов (The Association of Royal Yachtsmen) и объявили своей штаб-квартирой “Британию”, которая сейчас действует как музей. Официальный сайт: <https://yottie.co.uk/>

зованной королевским флотом, – произнесла она вслух. Этот факт все еще раздражал и злил ее.

– Как мило, – рассеянно отозвалась художница.

– Честно говоря, не очень. Я не разрешала им ее забирать.

В последний раз, когда я ее видела, она висела напротив моей спальни.

– Кошмар! – воскликнула Лавиния, вскинув голову от удивления.

– Полностью с вами согласна.

– Как она туда попала?

– Очень интересный вопрос, – ответила королева и замолчала. Через минуту она добавила: – Ну вот, кажется, мы закончили.

Ее голос прозвучал дружелюбно, но строго. Художница подняла глаза и взглянула на часы. Прошел ровно час, и ее натурщица уже снимала бриллиантовую диадему, которую любезно согласилась надеть для скульптуры. Украшение восхитительно смотрелось в сочетании с рубашкой и кардиганом. Группа документалистов взяла в руки камеры под пристальным взглядом долговязого юноши-служащего. Адъютант королевы уже стоял в дверях, готовый сопровождать Ее Величество на следующую встречу.

– Большое спасибо, мэм, – сказала Лавиния.

Королева кивнула.

– С нетерпением буду ждать, когда увижу сияние. – Голос Ее Величества звучал сухо, но в глазах играл веселый блеск.

Глава 4

Рози не зря славилась своей продуктивностью. Одна из запланированных на сегодня встреч отменилась, и она, воспользовавшись моментом, по совету сэра Саймона решила посетить Королевский фонд коллекций. Светило солнце, поэтому было бы очень кстати прогуляться и размять ноги, заодно вычеркнув из списка дел историю с картиной королевы.

Она бодро зашагала по пыльной розоватой дорожке от боковых ворот, на которые выходил окнами ее кабинет, переходя на другую сторону между черным кэбом и парой туристов на городских великах¹⁵. Стояла теплая погода, светлое небо было слегка подернуто бледными облаками. Пройдя вдоль Грин-парка, Рози дошла до Кларенс-хауса на углу – высокого белого здания, где жил принц Чарльз, когда находился в Лондоне. Прямо за ним была ее цель – Сент-Джеймский дворец.

Этот архитектурный ансамбль смотрелся совсем иначе. Приземистые здания из красного кирпича выглядели гораздо старше остальных и были построены еще при Тюдорах. Сэр Саймон, большой любитель истории, часто и с удовольствием рассказывал Рози об этом месте. Больше всего ей нравилась история о принце Джеймсе, младшем сыне Кар-

¹⁵ В оригинале Boris bike – городские велосипеды, названные в честь мэра Лондона Бориса Джонсона, при котором был запущен этот проект.

ла I, которого Оливер Кромвель держал здесь в заключении. Однажды, играя в прятки со стражей, он умудрился сбежать. Каждый раз юного принца было все труднее найти, пока в один прекрасный день он не вышел из ворот сада, воспользовавшись краденым ключом, и не прошел половину Вестминстера, прежде чем его хватились. В итоге он добрался до Франции. И еще, по словам сэра Саймона, старого романтика, отсюда до эшафота на улице Уайтхолл вели Карла I, одетого в три рубашки, чтобы не было видно, как он дрожит от страха.

Рози подошла к служебному входу, размышляя о том, что все послы по непонятным ей причинам все еще служат “при Сент-Джеймском дворе”¹⁶. У ворот гвардеец в алом мундире и медвежьей шапке бесстрастно наблюдал, как она предьявляет охране свой пропуск. Затем ее проводили по многокилометровым коридорам в кабинет на первом этаже. Нил Хадсон, нынешний хранитель картин королевы, встретил ее растерянной улыбкой.

– Зачем вы пришли, капитан Ошоди? Вы же знаете, я предпочитаю сам наносить визиты. Не было необходимости являться в мое логово.

Она огляделась. Ничего себе логово! Пара окон выходила

¹⁶ Сент-Джеймский двор – официальное название резиденции британских монархов, несмотря на то что с 1837 года фактически основным местом пребывания британских монархов является Букингемский дворец. В Сент-Джеймском дворце назначают и аккредитуют послов, там же собирается совет по престолонаследию после смерти правителя, чтобы провозгласить нового монарха.

на широкую улицу, ведущую к Пикадилли: всего пара шагов до “Фортнума”¹⁷ и “Ритца”. Одна стена, обшитая панелями, была от пола до потолка уставлена небольшими, но поистине бесценными произведениями искусства; на остальных располагались полки с книгами. На ореховом столе хранителя – таком гигантском, будто два огромных стола сдвинули вместе, – лежали кипы бумаг, пресс-папье, множество бронзовых статуэток и фотографий в серебряных рамках. Компьютера не было. Роза предположила, что, перед тем как принять гостей, Нил Хадсон прячет его в ящик. Вряд ли он пишет пером, правда? Хотя, судя по желтому жилету и волнистым волосам до подбородка, этот человек очень хотел производить такое впечатление.

– Мне нужно отследить перемещение одной из картин Ее Величества, – объяснила Роза. – Мы знаем, где она находится, но не понимаем, как она туда попала. Несколько лет назад она исчезла со своего места.

– Нет! – крикнул Хадсон, вскинув руку. – Стойте там! Уверяю вас, вы ошибаетесь. Такого не могло случиться с предметом из королевской коллекции.

– Но именно это и произошло, – твердо ответила Роза, встретившись с ним взглядом. – Значит, все же иногда такое случается.

– Крайне редко, почти никогда. И вообще, не могли бы

¹⁷ “Фортнум и Мэйсон” (англ. Fortnum & Mason) – один из самых модных гастрономических магазинов Лондона.

вы перестать бросаться намеками на то, что мы теряем произведения искусства?

– Хорошо, тогда слушайте внимательно.

Рози рассказала все, что знает о пропаже картины, и хранитель невыразительно кивнул.

– В девяностые, говорите? Тогда хорошо, записи у нас довольно подробные. Но даже если ее... Скажем так, передали не туда гораздо раньше, у нас и в то время был довольно индивидуальный подход, особенно к частным картинам Ее Величества. Честно говоря, я слабо себе представляю, что ее могли куда-то передать. Мы постоянно перемещаем произведения, принадлежащие Короне, если они пригодны к транспортировке. Но такую маленькую и личную картину... – Нил Хадсон поморщился. – Даже не представляю, кто мог бы ее запросить. Тем не менее можете сами убедиться.

Он позвал секретаршу, которая послушно провела Рози по нескольким унылым коридорам, затем вверх и вниз по лестницам, мимо пары хорошо освещенных мастерских с открытыми дверями, где неторопливо трудились реставраторы. Наконец, пройдя через несколько зданий, они оказались в душевой подсобке с заколоченными окнами и постоянно мигающей лампой на потолке. Три стены из четырех были заставлены шкафами со стеклянными дверцами, в которых хранилась пестрая коллекция папок с документами начиная с 1952 года. Компьютер возле пыльного окна давал доступ к базе данных с оцифрованными материалами.

– Оставляю вас здесь, – сказала секретарша, объяснив, что где находится. – Перчатки и все такое не нужны: с двадцатого века мы пылинки не сдуваем. Просто разложите все по местам и погасите свет. Удачи!

Рози поблагодарила ее, однако пожелание, видимо, не сработало. Спустя час кропотливой возни с папками ей удалось найти в пожелтевшей бухгалтерской книге лишь одну строчку, подтверждающую получение: “Картина, масло: Яхта Ее Величества на 125-летию Хобартской регаты, 1963 год, золоченая рама, 40x50, автор Вернон Хукер, получена в 1964 году”. Не было ни единого упоминания о том, что она когда-либо покидала дворец, хотя Рози проверила все папки и цифровую базу вплоть до двухтысячного года.

Перед уходом она решила снова достать ту самую папку и в последний раз взглянуть на бухгалтерскую книгу 1964 года. Не пропустила ли она что-нибудь? Рози разглядела страницу, чтобы сфотографировать ее на телефон, и заметила на полях какое-то слово, нацарапанное карандашом. Слово могло относиться как к скульптуре, описанной ниже, так и к картине. Оно было написано под углом и довольно неразборчиво. Рози присмотрелась: “Бред”.

Там что, так и написано: “Бред”? Правда? Да не может быть! Серьезно?! Хотя, учитывая картинки, которые она видела в интернете, возможно, так и есть. Неужели регистраторы записывали на полях свое мнение о приобретенных произведениях искусства? Может быть, они забыли это стереть?

Рози присмотрелась получше. Между двумя последними буквами и остальными был небольшой зазор. А что, если две последние – это не буквы, а цифры? Восемь с чем-то. Может быть, 82? Или 86? И первая, кажется, “p” или “y”, поэтому вряд ли это “Бред”. Наверное, “Рес” что-то там? Головоломка не складывалась.

Рози постаралась сфотографировать страницу так, чтобы на нее попадало как можно больше света и чтобы она могла изучить ее как следует у себя в кабинете.

Однако в обед она отвлеклась, обдумывая слова сэра Саймона, которые он произнес мимоходом.

Рози была в столовой для персонала и только расставила тарелки с едой на поднос. “Столовая” – типичное уменьшение для королевской резиденции. Здесь она состояла из раздаточной комнаты и двух обшитых панелями обеденных залов, украшенных картинами старых мастеров¹⁸ из королевской коллекции, под охраной статуи Бирманца, одного из любимых коней королевы, подаренного ей королевской канадской конной полицией.

По словам сэра Саймона, до недавнего времени персонал дворца питался в разных залах в соответствии с иерархией, но теперь они все оказались в одной лодке, и Розы это нра-

¹⁸ Старые мастера – принятое в искусствоведческой традиции собирательное обозначение творчества выдающихся художников стран Западной Европы, работавших от эпохи Возрождения до второй половины XIX века.

вилось. Никогда не знаешь, с кем столкнешься. Атмосфера в столовой была в целом расслабленной, а еда вкусной, как и следовало ожидать от кухни, где каждый день готовят для монарших особ.

Сегодня все было иначе. Во втором зале, где столы привычно были накрыты белоснежными льняными скатертями с серебряными приборами, люди сидели парами или тройками, и до Розы доносились обрывки их разговоров. Ресторанного уровня блюда на подносе выглядели, как всегда, аппетитно, но атмосфера в столовой казалась напряженнее, чем обычно. Может, все дело в недавнем референдуме по брекситу? Розы слышала, как высокопоставленные придворные рассуждали о том, что голосование всколыхнуло воды личных мнений и вынесло на поверхность разногласия, которые раньше никто не высказывал. Кто вы – националист или европеец? Вы поддерживаете Содружество или Германию с Францией? “Можно поддерживать и тех, и других”, – подумала Роза. Еще несколько месяцев назад все так и делали. Теперь же нужно было выбирать сторону. В чем бы ни была причина, Роза чувствовала, что за несколько месяцев работы настроения в личной канцелярии изменились.

Ее внимание привлекли две женщины в дальнем углу: молодая и пожилая, которые тоже что-то обсуждали, но очень тихо. Она узнала молодую женщину с огненно-рыжими волосами до середины спины в стиле полотен прерафаэлитов. Это была Мэри ван Ренен, секретарша сэра Джеймса Эл-

лингтона. Роза кивком поздоровалась с ней и подошла к их столику. Едва приблизившись, Роза заметила, что глаза Мэри покраснели, а лицо выглядело понурым.

– Извините, я вам не помешала?

– Нет-нет, садись к нам. – Мэри жестом указала на стул напротив и улыбнулась, но как-то неуверенно и будто через силу. Она едва притронулась к жареной курице, в то время как ее собеседница, чопорная дама с резкими чертами лица, почти доела свою порцию.

– Можете мне помочь, – обратилась к Розе пожилая женщина, когда она села. Казалось, ее совершенно не смущали страдания Мэри. – Я как раз пытаюсь объяснить этой молодой леди, что она ведет себя как глупая девчонка.

Роза бросила на подругу вопросительный взгляд.

– Это Синтия Харрис, – вяло проговорила Мэри. – Синтия, это капитан Ошоди, помощница личного секретаря королевы.

– Можно просто Роза, – отозвалась она, протягивая руку.

– Я сразу поняла, кто вы, – сказала Синтия Харрис, сверкнув тусклыми неровными зубами, и принялась деловито накалывать на вилку кусочки моркови и картофеля. Роза убрала руку. – Я видела вас здесь, – продолжала Синтия. – Как здорово, Мэри, что такая большая шишка сидит с нами за одним столом.

– Не такая уж и большая, – отшутилась Роза.

– Но так и есть! Вы же из личной канцелярии, с самой

верхушки дерева. Мы очень рады составить вам компанию, правда, Мэри?

Рози не могла понять, шутит она или нет. Мэри, с которой она уже успела как следует познакомиться, поскольку та постоянно забегала к ней по разным поручениям сэра Джеймса, с несчастным видом смотрела в свою тарелку. И вдруг Рози вспомнила слова сэра Саймона.

– Только не говори, что увольняешься. Это же ты подала заявление?

Мэри кивнула, не поднимая глаз, и пара слезинок упала на нетронутое картофельное пюре.

– Она говорит, что уйдет, – отозвалась сидевшая рядом с ней Синтия Харрис. – Глупый ребенок. Ты слишком остро реагируешь.

Рози, которой внутреннее чутье подсказывало, что надо хорошо относиться к людям, если они не доказали, что недостойны хорошего отношения, окинула пожилую женщину пронизательным взглядом. Синтия Харрис была худощавой и вытянутой, с прямыми, почти белыми волосами, подстриженными в аккуратный боб, и темными глазами-бусинами, напоминавшими Рози пылливый взгляд птиц. Она была одета в униформу горничной: безупречно белое платье и темно-синий кардиган. Синтия казалась подтянутой и жилистой, но была явно старше других женщин, которых обычно брали на эту работу. Рози рассудила, что ей, должно быть, не меньше шестидесяти пяти, а потом задумалась, не мог-

ла ли она выглядеть не на свой возраст. Ее исхудавшие щеки ввалились, области вокруг губ и между глаз были испещрены морщинами. На клювовидном носу виднелись розовые пятнышки от лопнувших вен. Пока Розы размышляла над ее словами, она спокойно подцепляла вилкой оставшуюся морковь. Равнодушна ли она? Торжествует? Осуждает? Вдруг глаза-бусины уставились прямо на нее. Розы поняла, что слишком долго пялилась, и перевела взгляд на Мэри.

– Ты и правда хочешь уволиться? – спросила она.

Мэри кивнула.

– Придется. Я больше так не могу.

– Боже! Какая актриса! – воскликнула Синтия Харрис, посмеиваясь.

– Мне кажется, что я в опасности.

– Тоже мне удумала! Лучше бы судьбу благодарила за такую работу.

– Почему? – спросила Розы.

Наконец Мэри подняла голову.

– Я... За мной следят. Какой-то мужчина, он постоянно мне пишет.

– Да с чего ты это вообще взяла? – съязвила Синтия.

– Я видела его возле моей квартиры.

– Ты его знаешь? – спросила Розы.

– Он присылал мне сообщения от незнакомого имени. Говорил, что мы познакомились в Тиндере и я его продинамила.

– А на самом деле? Вы и правда там познакомились?

– Вряд ли. Я снова и снова перебирала в памяти всех мужчин, с которыми ходила на свидания. Конечно, были и странноватые, но не думаю, что кто-то из них смог бы... – Мэри затихла.

– Роза молчала, пытаясь осознать тот факт, что ее подруга сидит в Тиндере. Мэри ван Ренен, такая рассудительная, застенчивая, консервативная. Роза всегда думала, что такие девушки обычно счастливы и без партнера или по уши влюблены в милого, кроткого парня, с которым знакомы много лет. Но она хотя бы искала любовь – у Розы даже на это не хватало времени.

– А что он писал?

– Неважно, – ответила Мэри так взволнованно, что Роза решила на нее не давить.

– Да откуда ты знаешь, что он караулил тебя у двери? – вмешалась горничная. – Может быть, это кто-то из соседей шел мимо и остановился, чтобы поговорить по телефону.

– У него в руке не было телефона.

– Вообще-то в наше время люди и через наушники могут разговаривать, – парировала Синтия Харрис. – Беспроводные, например. Или, может быть, он кого-то ждал.

– Он трижды там был! – воскликнула Мэри и уткнулась лицом в ладони.

– Ага, конечно! – ответила горничная. Она посмотрела на Розу, закатила глаза и покрутила у виска пальцем. – Да даже

если и так, в полиции сказали, что в этом нет ничего противозаконного.

– Ты обращалась в полицию?

Мэри кивнула.

– Но мне сказали, что нужны еще какие-то доказательства, иначе они ничего не могут сделать. Похоже, они решили, что я все выдумала. А потом... Велосипед...

Мэри нервно потирала колени, и Рози увидела, как дрожат ее руки. Она была совсем разбитой – эта ситуация ее травмировала. И Рози никак не могла понять, почему Синтия Харрис продолжает обесценивать ее чувства без капли сострадания.

– Что случилось с велосипедом?

Прежде чем заговорить, Мэри сделала глубокий вдох. Она закрыла глаза, голос звучал еле слышно.

– Он приклеил записку к сиденью. В ней было написано, что к нему прижималась... – Мэри скривилась от отвращения и продолжила. – Не хочу это произносить. Что часть моего тела касалась сиденья. Как ему нравится, что я на нем сидела. И как он любит за мной наблюдать. – Она открыла глаза. – Мне каждый день приходится ездить на работу на велосипеде. Я больше так не могу. Мама сказала возвращаться домой – так и сделаю, скорей бы уже.

– Мэри, какой ужас! Ты говорила об этом полиции?

Она покачала головой.

– Не смогла. – По щекам снова покатались слезы. – Рас-

сказываю – и как будто проживаю это заново. Я просто...

Рози протянула руку через стол, Мэри робко вложила в нее свою, и Рози сочувственно жала ее.

Синтия Харрис неодобрительно фыркнула, не скрывая своего негодования.

– Ты же себе всю жизнь сломаешь из-за какой-то там записки! Давай, вперед! Поезжай к своей мамаше, наплевав на сэра Джеймса. Все вы девчонки одинаковые: одно неудачное свидание – и сразу нюни распускаете. Королеве тоже несладко в жизни приходилось. Не стыдно вам?

– Я просто... Не могу больше... Извините.

Мэри нащупала сумочку, висевшую на спинке стула, и нетвердой походкой поспешила к выходу.

– Актриса.

Рози посмотрела на пожилую женщину, лицо которой расплылось в странной улыбке. Горничная наигранно развела руками.

– Я же говорила – размазня. Такой спектакль устроила. – Она взяла виноградину из пиалы, стоявшей возле тарелки, и отправила ее себе в рот.

Глава 5

Была середина июля, самый разгар лета. Парламент уже заканчивал свою работу, и привычных государственных дел становилось все меньше. Так у королевы появился редкий драгоценный час свободного времени. После обеда у нее была назначена примерка пары вечерних нарядов, но это еще не скоро. Скачки пока не начались. Как же распорядиться неожиданно обретенной свободой?

В Восточном крыле в передней части дворца, выходящей окнами на Именинный пирог и аллею Мэлл¹⁹, на одном из чердаков недавно произошла протечка. В полувековом баке с водой образовались скрытые трещины, и несколько спален в коридоре этажом ниже затопило. Королева собственными глазами видела последствия потопа в день, когда его обнаружили: мебель промокла насквозь, а ковры можно было выжимать. Тогда бак убрали и заменили чем-то поновее. В хозяйственной службе сообщили, что спальни будут как новенькие: их проветрят и нанесут на стены и потолок свежий слой штукатурки.

И все же королева привыкла доверять, но проверять. Было бы замечательно взять с собой одну или двух собак, но они

¹⁹ Мэлл (англ. The Mall) – улица в центре Лондона, связывающая Букингемский дворец с Трафальгарской площадью. Создана в начале XX века специально для торжественных церемоний с участием британских монархов.

нагулялись в обед и теперь довольно сопели. Королева сообщила пажу о своих намерениях и отправилась наверх одна, наслаждаясь возможностью побыть наедине со своими мыслями.

Она представляла себе Шотландское высокогорье. Следующие две недели предстояло провести в подготовке к переезду в Балморал до конца лета, и во дворце уже ощущался ветер перемен. Филип, которому не нравилась вся эта суета, собирался уехать в Каус²⁰, чтобы несколько дней наблюдать за регатой. А самой королеве не терпелось отправиться на север. Там можно было дышать свежим горным воздухом и позволить себе почаще быть “Лилибет” и чуть реже – “мэм”. К тому же правнуки и собаки могли там свободно резвиться, не боясь что-нибудь сломать. Скорей бы посмотреть, как Джордж будет носиться по дому, и поближе познакомиться с малышкой Шарлоттой.

Поднявшись на второй этаж, в коридоре, ведущем к затопленным комнатам, она почувствовала, как по спине пробежали мурашки, и могла бы поклясться, что внезапно ощутила легкий запах кедра. Как странно; тут должно было пахнуть сыростью. Но неожиданно для себя королева перенеслась на восемьдесят лет назад. Неужели на нее так повлияли мысли о Джордже и Шарлотте? Откуда вдруг взялось это яркое, сильное чувство, будто она сама маленькая, не всегда

²⁰ Каус (англ. Cowes) – приморский город на юге Британских островов, где часто проводятся регаты и другие соревнования по парусному спорту.

послушная девочка? И кажется, что где-то рядом с ней Маргарет – подбивает ее на шалости.

Королева шла дальше, заглядывая в комнаты по обе стороны от нее и принюхиваясь в поисках того неуловимого запаха. Постепенно ее внимание привлек большой шкаф из красного дерева, наполовину скрытый в коридоре за колонной. Одна из дверей была слегка приоткрыта, и, приблизившись, королева заметила тусклую золотистую кисточку, висевшую на ключе. Ах, да!

Воспоминания выплывали из тумана времен, с каждым шагом становясь все отчетливее. Этот шкаф стоял за пределами детской, и мамин главный костюмер складывал туда одежду, из которой Лилибет выростала. Широкий и массивный, отполированный временем до насыщенного красного цвета. Она приложила руку к дверце, словно приветствуя старого друга.

За приоткрытой дверцей было пусто. На боковых стенках были установлены рейки, на которых, должно быть, крепились широкие полки, использовавшиеся в стародавние времена для хранения льняных простыней. Но теперь шкаф стоял пустой, полки вынули и собрали для переезда, так что выглядел он почти таким же, как в ее детстве.

В самом конце 1936 года, когда дядя Дэвид отрекся от престола, отказавшись стать Эдуардом VIII, семья не хотела переезжать из уютного дома на Пикадилли в гигантский, холодный, обшарпанный дворец. Но отец теперь работал здесь,

а мать сказала, что им нужен собственный “домик над лавкой”. Хотя в основном дворец состоял из череды бесконечных коридоров с высокими лакеями в красных ливреях на каждом углу. Из-за них Лилибет не покидало ощущение, что за ней постоянно наблюдают, и поэтому нужно было вести себя, как подобает настоящей принцессе, хотя она не совсем понимала, что это значит. Но были и свои плюсы – дворец оказался идеальным местом для игры в прятки.

Мамины длинные шубы в матерчатых чехлах висели в правой части шкафа, а кашемировые шали были аккуратно сложены и хранились в левой части. Посередине висели норковые жакеты и наряды для похода в оперу. Войдя в шкаф, можно было раствориться среди них. Королева вспомнила, как Маргарет Роуз шипела: “Лилибет! Быстрее!”, пробираясь сквозь хлопчатобумажные чехлы. И она, не в силах устоять, лезла за сестрой. Туфельки были чистые (она проверила), две маленькие стройные девочки спокойно помещались внутри шкафа, не рискуя испортить одежду. Ей было уютно сидеть в окружении маминых вечерних нарядов, улавливая ее слабый аромат, смешавшийся с сильным кедровым запахом, отпугивающим моль.

Ей, наверное, было лет одиннадцать, а Маргарет – шесть или семь. Они прятались от Кроуфи, их гувернантки, которая не знала, что участвует в игре. Это было ужасно, ужасно неправильно, и поэтому сердца их бились чаще. Бедная Кроуфи. Она все звала и звала, а Маргарет тряслась от смеха.

Они несколько раз прятались в шкафу, но поймали и наказали их всего один раз. Королева не помнила, что это было за наказание – вероятно, сестер лишили сладкого к чаю, – но Маргарет сказала, что оно того стоило. И она была права. Теперь, когда в шкафу не было одежды, в нем можно было уместиться даже в таком солидном возрасте. Даже с большим коленом.

При этой мысли королева усмехнулась и, к собственному удивлению, сделала шаг вперед, просто чтобы посмотреть. Она уперлась рукой в закрытую правую дверцу. Дно шкафа немного возвышалось над полом. Правое колено заныло, но, когда к нему подтянулось левое, рядом вдруг появилась Маргарет. Мама тоже была там, хотя бархатистый аромат “Л’Ор Блэ” исчез, как и запах кедра. Наверное, почудилось.

Внутри было тепло, темно и спокойно. В пятидесятые здесь пряталась Анна – так же не боясь наказания – и говорила, что была в Нарнии. И за стеной как будто действительно была Нарния – скрытый мир волшебства, ведомый только детям. Королева прикрыла за собой дверь и замерла, чтобы вновь вдохнуть аромат.

Ей пришлось лишь слегка наклониться. В шкафу было просторно, и иногда – но только иногда – в низком росте, всего пять футов и три дюйма, были свои преимущества. Она тихонько поздоровалась с сестрой, которая покатила бы со

смеху, увидев ее здесь.

Вдруг, из ниоткуда, перед глазами возник образ несчастного молодого русского, которого не так давно нашли мертвым в гардеробе. Ей захотелось поскорее выбраться оттуда, но как раз в тот момент, когда она разворачивалась, чтобы осторожно шагнуть наружу, с верхней площадки дальней лестницы вдруг послышались голоса и шаги двух быстро приближающихся людей.

Что же делать?

Естественно, самое очевидное – спокойно выйти, упорно делая вид, что ничего необычного не происходит. Но это было бы не так-то просто. Спускаться сложнее, чем подниматься. Разве смог бы кто-нибудь из прислуги бесстрастно наблюдать за тем, как их королева неуклюже вываливается из шкафа, да еще и спиной вперед? Конечно нет!

Двое были всего в нескольких шагах. Она плотнее прикрыла дверцу, оставив лишь небольшую щель. Они бы ее заметили, если бы присмотрелись, но кому придет в голову искать королеву в шкафу?

Она с тревогой выжидала. Шаги стихли, и разговор продолжился в дверях соседней спальни. Колено снова заныло, но делать было нечего, оставалось только ждать.

Неизвестные замолчали. До этого момента они громко обсуждали приготовления к отъезду в Шотландию и вдруг перешли почти на шепот. Атмосфера изменилась, и стало казаться, будто они что-то замышляют.

– Здесь три. Через две недели одну, потом другую. Время помнишь?

– Да помню я! Мне хватает мозгов, чтобы понимать с первого раза.

– Действуй, как в прошлый раз.

– А у нее вроде хорошо получается, да? Не жалуется, хотя ей явно это все не по нраву.

– Думаешь, меня волнует, что ей там не нравится?

– Нет, – пробурчал один из них в ответ.

– Тогда руки в ноги и делай, что тебе говорят! И если еще хоть раз заикнешься об этом... – За угрозой последовала многозначительная пауза. – Идем! У меня от этого места кровь в жилах стынет.

Они быстро зашагали тем же путем, которым пришли. Услышав, как закрылась дверь в коридоре, королева вылезла из своего укрытия и принялась растирать распухшее больное колено. В одиннадцать лет загадочное приключение привело бы ее в восторг, но не в девяносто. Она решила немного подождать, пока ломота в теле поутихнет, а заодно поразмышлять над услышанным.

Это были мужчины? Может быть, один из голосов принадлежал сварливой пожилой женщине? Да и что они удумали, в конце-то концов? В этом еще предстоит разобраться.

А пока королева заковыляла вниз по лестнице к своим собакам, стараясь держаться прямо, хотя получалось с трудом.

Глава 6

Королева очень удивилась, когда во время чаепития паж спросил, не против ли Ее Величество принять помощницу личного секретаря. Она с тоской посмотрела на кусок шоколадного бисквитного торта, от которого успела отломить всего кусочек. Оторваться было невозможно. “Пригласите ее”, – ответила королева, надеясь, что Розы не станет отвлекать ее надолго.

– Мэм, есть новость, о которой, мне кажется, вам стоит знать, – сказала Розы. – Похоже, я знаю, как исчезла ваша картина. Или, по крайней мере, когда это случилось.

Чаепитие и правда подождет.

– Очень интересно. Пожалуйста, продолжайте.

Розы рассказала об утреннем визите в Сент-Джеймский дворец и записи в бухгалтерской книге.

– Я хорошенько ее рассмотрела, кажется, там написано “Ремонт, 86 год”. Вам что-нибудь об этом известно?

Королева на секунду задумалась.

– Не уверена, надо подумать. Что-нибудь еще?

– Я обратилась в управляющую службу, там сказали, что в ваших личных покоях был небольшой ремонт. Те, с кем я общалась, при этом не присутствовали, поскольку это было тридцать лет назад. Но я попробую все выяснить, мэм. Обязательно сообщу, как только узнаю что-нибудь полезное.

– Спасибо, Роза.

Когда Роза ушла, королева отломилла еще один кусочек торта и мысленно погрузилась в 1986 год. Что же тогда было? Иногда действительно сложно отделить один год от другого, но ведь должна же она помнить ремонт в собственной спальне? Провернуть такое в ее присутствии было бы затруднительно – значит, в это время она была в Балморале. Все равно ничего не приходит на ум. Если только... Точно! Она была где-то далеко. В те годы королева могла оказаться в Акапулько или в Осло с той же вероятностью, что и в Шотландии. Где же она была в восемьдесят шестом?

Она взяла айпад и загуглила свое имя – так быстрее, чем кому-то звонить и спрашивать.

Ну конечно, Китай! Это был очень важный тур, посвященный подготовке к возвращению Гонконга КНР в девяносто седьмом. В той поездке она любовалась терракотовой армией и принимала правительство Китая на банкете на борту “Британии”. Затем они с Филипом проплыли на королевской яхте по Жемчужной реке из Кантона в Гонконг. Сколь радостно и спокойно было наблюдать за тем, как на берегу местные жители с самого раннего утра занимаются тайцзи²¹. В бухте Виктория тоже пришлось решить несколько нетривиальных задач. Тогда помощницей личного секретаря была Мэри Перджтер, которая содействовала ей так же, как сейчас Роза...

²¹ Тайцзи – китайский комплекс гимнастических упражнений.

Королева была очень занята и не сильно погружалась в бытовые дела у себя дома. Видимо, тогда отдел обустройства и затеял ремонт в ее комнате. Когда она вернулась, все было как прежде: те же пастельно-нефритовые стены, хотя плинтусы и карнизы стали не такими потертыми.

Но на стене напротив двери в ее спальню стало на одну картину меньше. Точно, именно тогда она и исчезла – на пять лет раньше, чем ей казалось. Она временно заменила ее эскизом сада, написанным Теренсом Кунео, с его фирменной спрятанной мышкой²². Это тоже очень мило, но совсем не то же самое.

Эскиз все еще висел там. Тридцать лет спустя. Время то летит, то еле ползет. Иногда не знаешь, как дотерпеть до чаепития, а порой моргнешь – и пяти лет будто не было.

Рози тем временем была очень обеспокоена встречей с Мэри ван Ренен и горничной за обедом. Ей хотелось во всем разобраться, и она уже решила, с чего начнет.

Восемь месяцев назад, когда она только устроилась помощницей личного секретаря Ее Величества, ей дали временное жилье во дворце, пока она искала приличную квартиру поблизости. Апартаменты, в которые ее поселили, находились на верхнем этаже Западного крыла, над ателье. Три

²² Теренс Кунео (1907–1996) – английский живописец, был официальным художником коронации Елизаветы II. С 1954 года изображал на своих картинах маленьких мышей, реалистичных или мультяшных, которых можно заметить, только если внимательно рассматривать каждую деталь.

тесные комнаты, где было жарко и душно летом, а зимой ужасно холодно. За стенами скрывался лабиринт из труб, в которых постоянно что-то гудело и булькало по ночам. Даже в Королевской военной академии в Сандхерсте ванная комната была гораздо просторнее, а это о многом говорит. Зато окна выходили на сад и окруженное деревьями озеро – волшебный вид. Роза росла в шумном, оживленном доме с матерью, отцом, сестрой и кузенами, которые то приезжали, то уезжали. Ей было привычно и приятно жить в суете, тем более что аренда стоила недорого. Так что она осталась жить там.

Без пятнадцати восемь вечера в дверь осторожно постучали. Роза специально подгадала час, когда ей нужно было заглянуть в свои апартаменты. Обычно уборщица приходила в одно и то же время, чтобы проверить, есть ли кто внутри и нужно ли поменять полотенца или постельное белье. В крыле, где находились ее комнаты, всегда убиралась одна и та же горничная по имени Лулу Арантес, которая была осведомлена обо всех подковерных интригах гораздо лучше, чем бедный сэра Саймон.

Роза крикнула: “Входите!”, и из-за двери появилась голова Лулу.

– Добрый вечер, капитан Ошоди!

– Лулу, как поживаете? Как ваше плечо?

– Ох, очень болит. До сих пор пью обезболивающее и руку даже поднять не могу. Вот, глядите. – Она подняла согнутую

тую в локте правую руку до уровня ключицы, поморщилась и опустила ее. – Зато, к счастью, лодыжка почти прошла. Теперь только изредка прихватывает и сразу отпускает.

Рози всегда поражалась тому, как этой женщине удавалось выполнять тяжелую физическую работу, несмотря на постоянную боль. При этом Лулу, будучи человеком деятельным и энергичным, никогда не отлынивала от работы из-за своих травм. Морщась и прихрамывая, она отважно справлялась с одним делом и тут же бралась за другое.

– Очень рада, что вам стало лучше, – сказала Рози. – Кстати! Хотела у вас узнать... Сегодня я встретила одну горничную, возможно, вы знакомы. Мне показалось, что ей может быть тяжело выполнять свою работу из-за возраста, так что...

– А, Синтия Харрис! Не завидую я вам.

Лулу оглянулась, проверила, что в коридоре никого нет, зашла в комнату и закрыла за собой дверь. Затем облокотилась на нее, придерживая левой рукой локоть правой. Рози заранее придумала несколько ненавязчивых вопросов, чтобы выведать у горничной все, что той могло быть известно, однако спрашивать ничего не пришлось.

– Удивительно, что вы столкнулись с ней только сейчас, – начала Лулу. – Эта курица тут с начала времен: пришла убираться в покоях королевы, а потом подсуежилась и стала как сыр в масле кататься. Три года назад она должна была уйти на пенсию: мы уже начали деньги собирать ей на подарок

и дни в календаре вычеркивать. И вдруг, знаете что? Женщина, которую наняли ей на замену, – такая приятная, спокойная и трудолюбивая, всем нравилась... Ей пришлось уволиться, представляете? Оказалось, что не получалось у нее как следует.

– Что именно?

– Ну, готовить Бельгийские покои для глав государств. Вы, наверное, знаете, что королева придирчиво следит за тем, чтобы все было как положено. И это правильно, я не спорю! Вот только вышло так, что лишь Синтия Харрис знала, как ей услужить. В общем, новенькую уволили, а Соланж Симпсон повысили. Она тоже лет сто здесь проработала. Очень способная, профессионал своего дела. Знаете ее? Ну так вот, в следующем году после повышения ей выпало готовить покои для президента Мексики. И опять все не так! Она клялась, что делала все по инструкции, которую ей оставила Синтия – и я уверена, что так оно и было, – но кто сказал, что она была правильная? Такие дела. В результате беднягу из отдела кадров, который безуспешно пытался найти Синтии замену, вышвырнули за порог, и она вернулась. По личной просьбе руководителя хозяйственной службы. Нам сказали, что это временно, – все знали, как она нас раздражает.

– Ужас.

– Не то слово! Вот она вернулась, и вдруг, представляете, все снова замечательно! Президент Китая приезжает пого-

стить – мы, конечно, на нервах, – в итоге королева счастлива, Синтия справилась, ее давай нахвалять... Прошел еще год, а она все тут как тут – ее, наверное, отсюда только вперед ногами вынесут. Короче, та еще заноза.

– Но что в ней такого? Почему ее так ненавидят?

– Вы же теперь с ней знакомы. Как она вам? – Лулу сложила руки на груди, поморщилась и уперлась кулаками в бедра.

– Она была кое с кем груба, – призналась Роза и вздохнула.

– Синтия со всеми так! Вы ведь про Мэри, секретаршу сэра Джеймса Эллингтона?

– Извините, не могу вам сказать.

– Да я почти уверена. Синтия всегда подлизывается к тем, кто на высоких должностях. Называет их “большими шишками”. Небось, подружилась с Мэри, чтобы придать себе больше важности, – мол, знает кого-то из офиса сэра Джеймса. Сначала вела себя скромно, это она умеет. Но стоит попасть в ее сети, как тут же на поверхность вылезает ее истинная сущность. Бедная Мэри! Еще записки эти...

– Какие записки? – Роза не стала давить на Мэри в столовой, но ей хотелось узнать об этом побольше.

– Неужели вы не знаете? Надо же... Простите, мне просто казалось, что личной канцелярии известно обо всем. Так о чем это я? Ах, да! Во-первых, какой-то неизвестный мужчина писал ей сообщения, она его заблокировала. А потом она стала находить маленькие записочки. Ну, знаете, в кармане

пальто, например. Просто жуть! Сначала Мэри думала, что он их подкладывает в автобусе, поэтому пересела на велосипед. Но записки все равно появлялись.

– А что там было написано?

Лулу скривилась и поежилась.

– Оскорбления разные: развратница, шлюха. Ну, сами знаете, что обычно мужчины говорят. – Рози никогда с таким не сталкивалась, но Лулу говорила так, будто Рози была в курсе. – Он там писал, что хочет с ней сделать, утверждал, будто она этого заслуживает. Признавался, что следит за ней.

– Откуда вам все это известно? Вы с Мэри дружите?

– Кто? Я? Честно говоря, ни разу ее не видела, – призналась Лулу. – В ватсапе писали. Тут все всё знают. Кроме хранителя тайного кошелька и личного секретаря, конечно. Да и хорошо, что они не знают, а то мало ли, – сказала она и дружески подмигнула Рози.

Этот разговор ничем не отличался от привычной беседы двух женщин. Лулу не пришло в голову, что Рози может рассказать обо всем сэру Саймону. И Рози была этому рада – значит, ей не придется давать обещаний, которые она не сможет сдержать.

Лулу услышала бой часов из коридора и вспомнила, что ей пора.

– В полиции Мэри не поверили, – добавила она, грустно усмехнувшись. Не дойдя до тележки, она остановилась в дверях и поморщилась от неприятных воспоминаний.

– Мне тоже показалось, что ее сильно задело такое отношение, – согласилась Роза.

– Им просто невдомек, что может случиться. У моей невестки был двоюродный брат. Шесть лет сводил ее с ума, а потом убил.

– Боже!

– Да, молотком. Прямо у двери ее дома. Еще и сказал, что она сама его довела, хотя за пять лет она ему ни слова не сказала, и суд запретил ему к ней приближаться. Но всем, конечно же, было все равно. Ну да бог с ним. Вот, держите чистые полотенца. Всего вам доброго!

– Мне нужно вам кое-что сказать, – заявила Роза сэру Саймону на следующее утро. – Секретарша сэра Джеймса... Которая увольняется, Мэри... Ее преследует неизвестный мужчина и подбрасывает ей оскорбительные записки. Вдобавок к этому одна пожилая горничная ноги об нее вытирает. Неудивительно, что она хочет отсюда сбежать.

– Вы имеете в виду миссис Харрис? – спросил сэр Саймон, нахмурившись.

– Так вы в курсе?

– Да. Говорят, ужасно неприятная женщина. Она уже давно должна была уйти на пенсию.

– Она и ушла, а потом вернулась. Как я понимаю, по просьбе Хозяина, – спокойно ответила Роза. – Может быть, стоит ему об этом сообщить?

Хозяином во дворце называли руководителя хозяйственной службы, которого на самом деле звали Майк Грин. Он входил в триумvirат старших придворных вместе с сэром Джеймсом и сэром Саймоном. Его кабинет был в Южном крыле, рядом с кабинетом сэра Джеймса. Там он проводил “стоячие встречи без кофе” со слугами, которые недобросовестно выполняли свои обязанности. Знающие люди говорили, что он “устраивает им взбучку”.

Майк Грин отвечал за персонал во всех резиденциях королевы – от поваров, пажей и прачек до смотрителей винных погребов, флористов и редакторов-корректоров с французским языком. Во время службы в ВВС, где он дослужился до вице-маршала авиации, Майк Грин приобрел репутацию организатора отличных приемов. Это очень важный навык, поскольку, если считать приглашенных на вечеринки в саду, королевская семья ежегодно принимала во дворце около ста тысяч человек. Кроме того, осенью руководитель хозяйственной службы должен был участвовать в представлении парламенту злосчастной программы реставрации. Поэтому Розы не удивило, что Синтия Харрис смогла ускользнуть от его взгляда.

Но как бы не так!

– Поверьте мне, Майк знает, – сказал сэр Саймон, потянувшись и заложив руки за голову. – Эта женщина – настоящая мегера, но королева всегда была к ней равнодушна. Правда, она никогда не сталкивалась с ее темной стороной.

– Но почему все молчат?

– Нам платят за то, чтобы мы не беспокоили Босса такими вещами и разбирались самостоятельно. Ну, в данном случае это ответственность Хозяина. И он решает этот вопрос, но все не так просто.

– А в чем проблема?

– Видите ли, процедуры, связанные с наймом, сложнее китайской грамоты. И – я подчеркиваю, наш разговор не должен выходить за двери этого кабинета – миссис Харрис сама получила несколько довольно оскорбительных посланий. Если мы ее вышвырнем, она пойдет к адвокатам. Ей палец в рот не клади.

– Но она издевается над Мэри ван Ренен!

– Я не удивлен. Тем не менее миссис Харрис и сама подвергается ужасным нападкам. К тому же они с Мэри далеко не единственные жертвы. В последнее время было очень много гнусных анонимок. Майк из-за них рвет и мечет.

– Кошмар! – с ужасом воскликнула Роза. – А королева об этом знает?

– Конечно нет!

Сэр Саймон встал во весь рост и окинул Роза суровым взглядом, хотя это выглядело довольно неловко, учитывая, что на каблуках она была под метр девяносто.

– Мы должны ограждать Ее Величество от подобных неприятностей, а не жаловаться ей. Майк уже начал расследование, и я ни на секунду не сомневаюсь в том, что очень

скоро он найдет виновного и разберется с ним. Роза, как вы знаете, наша работа заключается в том, чтобы решать проблемы.

– Да, но...

– Никаких “но”. Я категорически запрещаю говорить об этом Боссу. Знаю, что вы хорошо ладите, но это чрезвычайно важное и конфиденциальное дело. Честно говоря, я уже немного жалею, что рассказал вам. Пожалуйста, дайте мне обещание, что не будете ее в это вмешивать.

Сэр Саймон довольно редко обращался к Розе формально, как к подчиненной. Когда такое все-таки случалось, ее это немного раздражало. Сотрудники дворца, которые занимались собаками и, естественно, отлично разбирались в породах, шутя говорили, что в своем обычном расположении духа сэр Саймон напоминал дружелюбного бигля. У них были вполне ровные деловые отношения, но, если ситуация того требовала, он превращался в человека, способного одним взглядом заставить посла замолчать или в двухминутном разговоре по телефону приструнить какого-нибудь упрямого министра. Сейчас он источал ту же безжалостную силу, что и сержант-майор из военной академии в Сандхерсте.

– Обещаю, – неохотно сказала она.

– Спасибо. И не думайте, что, находясь на другом конце страны, я ничего не узнаю.

Вскоре Роза предстояло отправиться в Балморал вместе с королевой и первой сменой персонала. В свою очередь, сэр

Саймон собирался пару недель провести в Тоскане, а затем держать руку на пульсе Вестминстерского дворца, поскольку новый премьер-министр приступил к формированию кабинета и подготовке ответа на референдум по брекситу. Со стороны все выглядело спокойно, но за кулисами разворачивался настоящий ад. Работа сэра Саймона заключалась в том, чтобы уловить среди криков нечто рациональное и объяснить, в чем оно состоит.

Глава 7

Счастливым месяц в Шотландском высокогорье пролетел незаметно. По мнению королевы, здесь можно было окружить себя здравомыслящими людьми – ведь шотландцы гораздо более приземленные, чем сассенахи²³, – и полностью погрузиться в жизнь этого места. Хоть замок и мог показаться довольно внушительным из-за гранитных стен и готических башен, на самом деле он был окружен садами и располагал к любованию природой, отдыху и веселью.

Если в Букингемском дворце приходилось во всем полагаться на слуг и, чтобы все работало как следует, их нужны тысячи, то в Балморале можно было самой запряхчь лошадь или прокатиться на лендровере. В хорошую погоду вся семья могла в любой момент отправиться на пикник. В августе этого года королеве была особенно приятна возможность находиться в своем кабинете с ковром в шотландскую клетку, не отрываясь от просмотра Олимпийских игр. Одна или вместе с теми, кто хотел составить ей компанию, она болела за Ника Скелтона в конкуре и Шарлотту Дюжарден в выездке, сидя в кресле и крича до хрипоты. Словом, она весело проводила время. Единственной причиной для беспокойства была Холли, очень пожилая корги в пересчете на собачьи года, которая все меньше интересовалась едой и прогулками. Короле-

²³ Так шотландцы пренебрежительно называют англичан.

ва внимательно следила за своей верной спутницей, кормила ее самыми вкусными лакомствами и надеялась, вопреки опыту и здравому смыслу, что это вернет собаке былую бодрость духа.

Стремительно приближался сентябрь, и вместе с ним – традиционный визит премьер-министра. Королева все размышляла о том, как он пройдет.

– Кэмерон, может быть, и взбудоражил страну, – сказала она Филипу за барбекю, – но человек он компанейский. Сомневаюсь, что новая будет такой же.

Сквозь дым от жарившихся сосисок было видно, что Филип кивнул в знак согласия.

– Мне всегда нравилась Саманта. Отлично выглядит, безупречные манеры. И посмеяться с ней всегда можно было. А что делать с премьер-министром, для которой коронный номер – надеть туфли с леопардовым принтом?

– Играть в покер на раздевание? – не моргнув глазом отозвалась королева.

Филип так сильно рассмеялся, что у него начался приступ кашля.

Но сути дела это не меняло. Вторая женщина-премьер-министр Соединенного Королевства, как и первая, не любила ни охоту, ни рыбалку, не проявляла особой любви к животным. Она не славилась умением вести остроумные беседы, про талант к танцам тоже ничего не было из-

вестно. Только любовь к яркой обуви, напряженные отношения с полицией и постоянно повторяющаяся фраза: “брексит – значит, брексит”, которая, впрочем, ничего не значила. Сэр Саймон как-то упомянул, что она любит ходить пешком. Можно просто почаще звать ее на прогулки.

Через месяц пребывания в Балморале Роза сменил сэр Саймон. Хотя Роза официально не состояла в отношениях, отшельницей она никогда не была. У нее завязался роман с одним из королевских адъютантов, у которого к тому же имелся просторный коттедж на Карибах. В нем она отлично провела две недели, наслаждаясь тропическим теплом, потягивая пина-коладу в прибрежном баре и слушая живую музыку под ночным небом.

Вернувшись к работе, она проводила выходные в загородных домах ведущих политиков, ела пироги из слоеного теста с лососем в компании младших министров и ходила на утиную охоту с советниками правительства, выведывая любую информацию о том, что будет в мире после брексита. Об услышанном она сразу же докладывала сэру Саймону в Шотландию, но чем больше она узнавала, тем меньше понимала, что происходит. Ясно было одно: никто ничего толком не знал, но все были рады поспорить с каждым, кто отважился поднять эту тему.

Она общалась с разными людьми во дворце по поводу кар-

тины с изображением “Британии”, но ничего особенно выведать не получалось. Гораздо сильнее ее беспокоило состояние Мэри ван Ренен, которая продолжала отрабатывать после подачи заявления об увольнении – сэр Джеймс Эллинтон сказал, что не может без нее обойтись, – и была похожа на бледную тень себя прежней. Мэри перестала получать записки, но, как она думала, только потому, что старалась не оставаться одна. Ее друзья составили расписание дежурств и по очереди провожали ее до работы и обратно, к тому же она старалась лишней раз не выходить из дома. Теперь она не могла себе представить, каково это – общаться просто так, для удовольствия.

Чтобы не мешать полумиллиону туристов осматривать комнаты дворца, открытые для посещения в летний период, Розы и Мэри по вечерам часто ходили в бассейн. Это была идея Розы. Она видела, как сильно страдает ее подруга, и не смогла придумать ничего лучше. Обычно они делали нескольких неторопливых заплывов брассом, во время которых можно было поговорить, затем Мэри перемещалась в кресло из ротанга и наблюдала за тем, как Розы, то набирая, то снижая скорость, рассекает длинными руками воду в погоне за личным рекордом. Время от времени кто-то из сотрудников-мужчин предлагал ей немного посоревноваться и почти всегда жалел об этом. А Розы радовалась.

– Хорошо, что в этот раз вы без каблуков, – пошутил Фи-

лип, когда они с премьер-министром высадились из лендроверов и начали восхождение на холм. В ответ Тереза Мэй попыталась изобразить улыбку. Каждому политику нужна какая-нибудь запоминающаяся деталь, да и, если уж на то пошло, она гордилась тем, что обувь привлекает к ней столько внимания. Будучи министром внутренних дел, за счет трюка с туфлями она почти гарантированно получала фото на первой полосе, даже когда не могла добиться его содержательной речью. К тому же туфли тепло принимали в традиционно консервативных кругах, но здесь дело было скорее не в каблуках, а в ней самой. И та манера, с которой герцог Эдинбургский произнес свою шутку, натолкнула Терезу на мысли о том, что он высмеивает гораздо более важную для нее тему, и ей это совсем не нравилось.

– Я подумывала об этом, – сказала она, как всегда, игриво. – Но они плохо сочетаются с ветровкой.

Филип засмеялся и улыбнулся ей уже более дружелюбно. Вместе они шли по тропинке между сосен и лиственниц, мимо пары туров, кучи булыжников, сложенных в память о бракосочетаниях детей королевы Виктории. Увидев груды камней, аккуратно сложенную в форме пирамиды, можно сказать только одно – и премьер-министр сказала это. Затем она с облегчением обнаружила, что на самом деле они прошли такой долгий путь, чтобы полюбоваться чудесным видом, открывающимся с хребта.

Пейзаж действительно поражал воображение. Впереди по

голубому сентябрьскому небу неслись облака, а внизу чередой травянистых склонов, перемежающихся раскидистыми кронами деревьев, уходила к самым дальним холмам, которые на фоне горизонта постепенно превращались из бутылочно-зеленых в полуночно-синие. Яркие пучки мягкой травы вокруг них казались альпийскими лугами и, чувствуя себя Марией из “Звуков музыки”²⁴, Тереза с трудом поборола в себе желание раскинуть руки и пробежаться по ним.

– Вы, наверное, часто бываете здесь? – спросила она стоявшего рядом герцога Эдинбургского. Не получив ответа, Тереза повернулась – на месте герцога была пустота, а сам он стоял в нескольких шагах позади нее и разговаривал с егерем. Она уловила два последних слова: “Черт! Точно?”

– Что случилось? – крикнула премьер-министр.

– Погода меняется, скоро начнется дождь. Тучи движутся очень быстро, так что надо торопиться, – сказал он, махнув рукой куда-то мимо нее.

Тереза посмотрела на восток, туда, куда указал герцог, – и правда, темно-серые тучи набегали со стороны Северного моря. Даже воздух стал понемногу меняться: в нем чувствовалось напряжение. Герцог бодрым шагом направился обратно по тропинке, ведущей к машинам, где их ждала королева с собаками. Но добраться туда они не успели. Тереза

²⁴ “Звуки музыки” – фильм 1965 года, снятый по мотивам бродвейского мюзикла. На самом знаменитом постере к фильму главная героиня Мария, в исполнении британской актрисы Джули Эндрюс, стоит, раскинув руки, на зеленом альпийском лугу на фоне гор.

почувствовала, как крупная дождевая капля упала ей на нос, другая – на щеку, и тут небеса разверзлись.

– Боже, как вас потрепало! – воскликнула королева, посмеиваясь, когда они наконец добрались до нее.

Не так миссис Мэй представляла себе первые дни своего пребывания на посту премьер-министра. Перед тем как забраться на пассажирское сиденье рядом с монаршей особой, она отряхнулась, как мокрый лабрадор, и надела любовно предложенные ей резиновые сапоги и вощеную куртку. Это был очередной день, который прошел совсем не так, как она себе представляла. Тереза уже поняла, что пытаться строить какие-то ожидания на новом посту совершенно бесполезно – все равно никогда не узнаешь и не догадаешься, что тебя ждет.

Королева тем временем наслаждалась поездкой. Супруги Мэй действительно не стали душой компании, но они хотели как лучше и старались изо всех сил, разве можно требовать от них что-то еще? Премьер-министр рассказала о своих планах на ближайшие несколько месяцев. К счастью, из-за плотного графика переговоров она была вынуждена исключить возможность проведения внеочередных всеобщих выборов после ее выдвижения от партии. Страна и так пережила достаточно потрясений в последнее время, так что настало время править твердой рукой.

Собеседники обсуждали, насколько неприятными бывают неожиданные сюрпризы, когда лендровер остановился у

замка. К двери машины подбежал лакей с зонтом.

– Мэм, вас ждут наверху, – довольно настойчиво сообщил он. – Сети вытащили.

– Неужели? Где?

– В вашей спальне.

– Боже! Да, конечно, я сейчас же отправлюсь туда.

Премьер-министр спросила, что там такое. Королева усмехнулась и ответила, поморщившись:

– Летучие мыши.

И смех, и грех. Бедные животные хотели выбраться наружу так же отчаянно, как люди пытались их выгнать. Но, похоже, что их прославленный эхолокатор оказался неспособен обнаружить распахнутое настежь окно. Чаще всего присутствие летучих мышей доставляло неудобства этажом ниже – в белоснежных стенах Бального зала, где всегда стояли наготове сачки с длинными ручками, чтобы помочь им оказаться на свободе. В спальню они залетали редко, и королева старалась не задумываться о помете на верхушках шкафов. Чарльз говорил, что гуано – идеальное удобрение для сада. Что ж, тогда почему бы мышкам не справлять свою нужду там?

Тем временем, стоя в коридоре на безопасном расстоянии – она не горела желанием познакомиться с писклявыми и непредсказуемыми рукокрылыми вблизи, хотя на отдалении они ей были очень даже симпатичны, – королева с премьер-министром подбадривали персонал, носившийся

туда-сюда с сачками наперевес. Как оказалось, летучих мышей было всего две, и в конце концов их выпустили наружу. Королева поблагодарила сотрудников, которые успешно провели спасательную операцию. Они представляли собой довольно комичную и несочетаемую между собой парочку. Маленькая и стройная горничная – которую она приняла за непоколебимую миссис Харрис, идеально справлявшуюся с Бельгийским люксом, – сделала реверанс, и они улыбнулись друг другу. А крупного, широкоплечего лысеющего мужчину в красной лакейской ливрее она видела впервые.

– А вы?.. – обратилась к нему королева.

– Спайк Миллиган, Ваше Величество, – ответил он, склонив голову в поклоне.

– О, неужели? – немного озадаченно усмехнулась она. Спайк Миллиган – так звали одного известного комика. В подростковом возрасте Чарльз был одним из его самых ярых поклонников. А еще Спайк Миллиган совершенно точно был мертв. Лакей слегка покраснел.

– Мое настоящее имя Роберт, мэм, но с такой фамилией...²⁵ – сказал он, разводя руками. – Один находчивый паренек в школе стал называть меня Спайком – так и повелось.

– Вам уже приходилось ловить летучих мышей?

– Нет, мэм! Уж чего-чего, а мышей не ловил. Зато, считай,

²⁵ Роберт Миллиган (1746–1809) – шотландский торговец и рабовладелец. В 2020 году его памятник в Лондоне демонтировали из-за исторической связи с периодом колониального насилия и эксплуатации людей.

спортом позанимался. Интересно, сколько калорий сжег!

Королева посмеялась, как ей было положено, а про себя задумалась, с чего голос Спайка Миллигана привлек ее внимание.

– Вы ведь раньше не работали здесь, в замке? – спросила она исключительно для того, чтобы он снова заговорил.

– Нет, мэм, я здесь в первый раз. И должен признаться, мне тут очень понравилось.

– Я рада. Большое вам спасибо за помощь.

Спайк Миллиган еще раз поклонился и ушел. Королева бросила взгляд на свою кровать – да уж, покрывало придется хорошенько выстирать. Но в этот момент в голове у нее роились совершенно другие мысли. Она вспомнила подслушанный из шкафа разговор. Мог ли Спайк Миллиган оказаться тем человеком, который с неохотой взялся за порученное ему дело?

Королева была в полной уверенности, что это он.

Но что же ему приказали?

Глава 8

Наступила осень. Пучки сочной зеленой травы на полянах спеклись и стали уныло-коричневыми. Джин теперь пили в сумерках, а не в разгар светлого летнего вечера. Нужно было всегда держать под рукой утепленную куртку, а после ужина – еще и шерстяной палантин. Совсем скоро придет пора покинуть Балморал и вернуться к рутинной работе.

Королева заметила, что по мере того, как новый кабинет министров вступал в свои права, в красных коробках стало появляться все больше и больше бумаг – и не только писем от граждан, которые она читала каждый день. При этом на встречах все чаще обсуждали выборы в США. Через месяц с небольшим в Америке выберут нового президента, тем временем дебаты между кандидатами постоянно заканчивались очередным скандалом. Казалось, что Овальный кабинет почти наверняка займет Хиллари Клинтон. И все же... На каждую статью, прославляющую возможность прихода к власти первой женщины-президента, бывшую госсекретарем с огромным опытом работы в правительстве и сильной командой, приходилась другая – с критикой и сомнениями относительно ее суждений. В то же время господин Трамп, с его крошечной командой и гневными тирадами в Твиттере, добился потрясающих результатов. Ничего нельзя было знать наверняка. Неужели в Букингемском дворце придется

развлекать бывшую звезду реалити-шоу?

Если судить по митингам, у него определенно имелись преданные сторонники.

Но учитывая нынешнее положение вещей, никакой визит во дворец ему не светит. Если удастся уговорить правительство принять программу реставрации, то все вокруг будет перекопано, большую часть сокровищ передадут на хранение, а сам дворец переоборудуют, чтобы он стал удобнее для его обитателей. Доходило до совершенных нелепостей: лакеям приходилось преодолевать полмили, чтобы дойти от кухни до Государственной Столовой, потолок которой был в таком состоянии, что помещение недавно признали непригодным к эксплуатации. Королеве для личных нужд требовалось всего шесть комнат, и они были в порядке. Но остальные семьсот семьдесят нужно было отремонтировать.

Но что делать, если парламент откажет? Королева прекрасно помнила, как правительству Мейджора²⁶ не удалось уговорить Лейбористскую партию Тони Блэра²⁷ на замену “Британии”. Слава богу, что выборы, способные вызвать споры, были позади.

Холли тем временем лучше не становилось. Более того,

²⁶ Сэр Джон Мейджор (род. в 1943 г.) – премьер-министр Великобритании с 1990 по 1997 год.

²⁷ Тони Блэр (род. в 1953 г.) – бывший лидер Лейбористской партии Великобритании, премьер-министр Великобритании с 1997 по 2007 год.

чем ближе был день возвращения в Лондон, тем хуже себя чувствовала пожилая корги. Ветеринар осмотрела собаку и сказала, что пора принимать меры. У королевы сжималось сердце, но она понимала, что врач права.

Синтия Харрис, жившая в коттедже на территории Балморала, готовилась к возвращению в Лондон. Лето выдалось трудное. Она знала, что не пользуется популярностью среди сотрудников дворца, но теперь, кажется, против нее развернули целую кампанию. Некоторые лакеи и горничные с ней не разговаривали, а вскоре после приезда в Балморал одно из ее форменных платьев “испортилось” во время стирки – вряд ли это случайность, скорее кто-то нарисовал на нем пятно перманентным маркером. Несмотря на все это, она продолжала работать, держа себя в руках. За это время ей пришли три записки, и все такие гадкие, источающие ненависть. В одной ее даже называли убийцей. Там было нарисовано нечто, напоминавшее фасолину или почку, – очевидно, автор записки пытался нацарапать красными чернилами эмбрион. *Это было почти тридцать лет назад!*

Синтия рассказала о записках только старшей горничной... Теперь уж, конечно, весь дворец в курсе. В монаршем доме нет никаких тайн. Все грязное белье обязательно оказывается на всеобщем обозрении – не только в комнатах для персонала и в столовой, но теперь и в снэпчате, ватсапе и стаффлисте, внутреннем чате для сотрудников дворца, кото-

рый был не более чем сточной канавой для намеков и сплетен. Интересно, что о ней говорят? Небось, она героиня как минимум половины их тайных подлых разговорчиков.

Не повезло не только Синтии. Скорее всего, вторая половина была о Леони Бакстер из отдела питания, которая тоже получала записки, в которых ее, очевидно, клеймили сухой и шлюхой. По мнению Синтии, получавшей “голословные и безосновательные обвинения” в свой адрес, миссис Бакстер оскорбления *заслужила*. Она вечно вставляла палки в колеса, пользовалась своим положением и критиковала все вокруг. Неудивительно, что у этой женщины полно врагов. В последнее время в комнате для прислуги только и было разговоров, что о ней.

Синтия поднялась по лестнице в свою спальню. В этом году она делила коттедж с тремя другими сотрудницами отдела обслуживания. Излишне говорить, что среди них она чувствовала себя изгоем. Спальня стала ее единственным убежищем. Унылую комнатку для персонала она преобразила, набросив на кресло индийскую ткань для сари и выпросив немного цветов у старшего садовника, одного из немногих ее верных друзей. Синтия умела путешествовать налегке, но при этом сохранять чувство стиля. Одежда, которую она носила вне работы, была ее гордостью. В основном это были винтажные вещи, которые подчеркивала маленькую аккуратную грудь и тонкий стан. Несколько люби-

мых вещей от Осси Кларка²⁸ и Зандры Роудс²⁹, безупречных и незаменимых жемчужин, ей посчастливилось найти в течение нескольких лет в благотворительных магазинах. Иногда она шила сама, вдохновившись образами из Инстаграма и Пинтереста. Ее маленький фанерный шкафчик таил в себе буйство красок и тканей – шелка и бархата – и каждый шовчик в них был сделан с бесконечной заботой.

Так она думала, открывая дверь спальни. Мгновение спустя сельский покой полуденного часа нарушил пронзительный крик.

Сотрудница столовой, одна из соседок Синтии, взбежала по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, чтобы посмотреть, в чем дело. Миссис Харрис стояла в дверном проеме в полном оцепенении и смотрела на кровать, где валялась целая груда обрезков ткани. Их было так много, что они занимали почти столько же места, сколько человек. Ее билась крупная дрожь, и она едва могла говорить.

– Что такое?! – воскликнула соседка.

– М-м-моя одежда, – пробормотала миссис Харрис, указывая костлявым пальцем в сторону кровати. – Всю п-п-порезали...

²⁸ Рэймонд “Осси” Кларк (1942–1996) – британский модельер, пик моды на его изделия пришелся на шестидесятые.

²⁹ Зандра Роудс (род. в 1940) – британская дизайнер одежды, стала популярна в конце семидесятых.

Мэри ван Ренен собирала вещи, готовясь съехать из квартиры в Фулхэме³⁰. Ей оставалось отработать всего пару дней, а потом можно будет сбежать в Ладлоу³¹, где милая сердцу детская, пасущиеся в полях пони и мама, которая уже успела наготовить и поставить в холодильник петуха в вине и бефстроганов, чтобы отпраздновать возвращение дочери.

Во всей квартире Мэри выбрала комнату с самым большим шкафом, даже несмотря на то, что она находилась в задней части дома и из ее окна открывался вид на полдюжины офисов и жилых зданий. В то время одежда казалась важнее. Лондонский, городской стиль – для престижной работы во дворце и обедов с друзьями в кафе, из которых не стыдно выложить фотки в Инстаграм; для свиданий с мужчинами в роскошных ресторанах, где между заказанными блюдами приносят комплимент от шефа, из-под стеклянного колпака, которым накрывают еду при подаче, вырывается пар, а сервировка устриц стилизована под пляж.

В Шропшире таких мест отродясь не было. А даже если и были, то попасть в них не проще, чем найти заинтересованного в серьезных отношениях гетеросексуального мужчину, который увлекался бы культурой и искусством. Но оказалось, что в Лондоне с этим не сильно проще. Хотя ее соседки по квартире как-то справились и нашли себе сексуальных, преданных и спортивных парней. Один из них даже за-

³⁰ Фулхэм, или Фулем – один из районов Лондона.

³¹ Ладлоу – город на границе Англии и Уэльса.

нимал высокий пост в Национальной галерее. А Мэри... Как будто магнит для психов! Правда, всего лишь для одного, но и его достаточно.

Мэри выглянула в окно спальни и увидела пестрые огоньки. Летом люди редко закрывают шторы. Недавно в окне над вереницей гаражей она случайно заметила, как парочка занимается сексом. Теперь там было темно. А вот в квартире этажом выше и чуть левее горел тусклый свет: на фоне бледно-янтарного сияния было что-то, похожее на манекен. Мэри пригляделась, чтобы рассмотреть получше, и на мгновение ей показалось, что силуэт шевельнулся. Ее накрыло привычное ощущение, будто все внутри перевернулось и обрушилось, в горле застрял крик. Это человек? А вдруг он следит за ней? Как долго он там стоит?

– Элла!

Мэри позвала соседку, которая жила ближе всего, стараясь скрыть панику в голосе. Еще полчаса назад та была дома, но теперь никто не отозвался. Мэри задернула шторы и, не в силах оторваться, продолжила наблюдать сквозь щелочку, дрожа от страха и бормоча в тишине имя Эллы.

Свет за силуэтом погас. Тьма поглотила тень.

Рози возвращалась во дворец с пробежки. Ей разрешалось пробежать пару кругов чуть дальше за озером, когда рядом не было посетителей. Теперь там точно никого нет. Все готовились к скорому возвращению Ее Величества, и все мысли

Рози были заняты составлением расписания на следующий год – главной задачей на ближайшее время. У нее была толстая папка с просьбами о встрече с королевой, но у Босса не хватит времени на всех. Хотя, конечно же, она постарается принять как можно больше людей.

Рози оставила офисную одежду в ближайшем к кабинету женском туалете – помещении с роскошным интерьером, а еще отдельной душевой и удобной зоной для переодевания. Отсутствие Босса вовсе не означало, что можно не соблюдать дресс-код, поэтому на деревянной вешалке за дверью висел льняной пиджак, а на пуфе лежала аккуратно сложенная юбка-карандаш от “Прада”, которую Рози нашла на распродаже в “Селфриджиз”³². Приподняв юбку, чтобы достать из-под нее полотенце, она нашла спрятанный между вещами белый конверт.

Странно.

Адресат не указан. В кабинках туалета и в коридоре не было ни души. С нарастающим волнением она вскрыла конверт.

Внутри лежал трижды сложенный пополам тетрадный лист размером с визитку. Рози медленно развернула его. Там было три рисунка синей ручкой, похожие на детские, и четыре слова, написанных заглавными буквами по трафарету.

³² Selfridges – британская сеть элитных универмагов. Флагманский магазин на Оксфорд-стрит – второй по величине магазин в Великобритании (после “Харрэдз”).

По всему телу разлилась боль, как после резкого удара в живот. На секунду Розы как будто застыла во времени: она почувствовала себя маленькой беспомощной девочкой, которая видит на лице матери смесь страха и ярости. Скомкав записку в руке, она попыталась успокоиться, хотя волна шока накрыла ее с головой.

Часть вторая

Банда браковщиков

Глава 9

– Саймон, на вас лица нет! Что случилось?

Первым утром во дворце королева оделась, сделала прическу, вышла из своих покоев и тут же наткнулась на сэра Саймона, который ждал ее в коридоре. Едва ли такое предусмотрено в протоколе.

– Ваше Величество, – сказал он, склонив голову в поклоне. – Я хотел, чтобы о произошедшем вы узнали от меня. Я видел... Случилось самое страшное. Ужасное несчастье. В бассейне тело, мэм. Вернее, не в самом бассейне, рядом с ним. Горничная. Миссис Харрис. Я видел...

Королева не сводила с него глаз. Сэр Саймон один из самых высококвалифицированных людей в стране. Служил в Королевских ВМС и министерстве иностранных дел, бывший летчик и дипломат. Она никогда не видела его в таком состоянии. На мочке уха красное пятно, галстук набекрень.

– Идите со мной. Расскажите все, что вам известно. Вы уверены, что не хотите присесть?

Быстрым шагом они направились по коридору к ее ка-

бинету. По дороге сэр Саймон, слегка прихрамывая, излагал подробности без какого-либо логического порядка. Горничная, похоже, упала и ударилась головой. Из-за разбитого стекла было много крови. Приехала полиция. Тело сильно окоченело. Он нашел ее сегодня рано утром.

Сэр Саймон был довольно пожилым человеком, и королева знала, что вот-вот шоковое состояние пройдет и он вряд ли сможет стоять на ногах.

– Пожалуйста, попросите Розы зайти ко мне, – сказала она, когда они дошли до кабинета, а личный секретарь уже начал повторяться. – И идите домой, не возвращайтесь, пока я вам не скажу.

– Мэм, там полиция...

– Розы справится. К тому же полицейские смогут поговорить с вами и дома. Это же совсем рядом. Здесь от вас толку будет мало. – Слова королевы прозвучали резко, но она знала, что любезностями заставить сэра Саймона уйти невозможно, а работать сейчас он явно не в состоянии.

Таким образом, отчет полиции о гибели горничной получила помощница личного секретаря.

– Ей перерезало артерию чуть выше лодыжки толстым осколком стекла, – объясняла Роза пару часов спустя. Она стояла в лучах света, бившего из окна кабинета, который находился этажом выше того места, где было обнаружено тело. Вид у нее тоже был странноватый, но о манерах она не забы-

вала. – Очень необычный случай. Похоже, что миссис Харрис поскользнулась и уронила стакан с виски, который несла в руках. От стакана откололось дно, край которого оказался чудовищно острым, и, должно быть, ее случайно задело при падении. Полиция считает, что она пролежала там всю ночь.

– Как она оказалась у бассейна со стаканом виски?

– Скорее всего, пришла убрать. Еще несколько стаканов нашли неподалеку.

– Разве можно умереть от пореза на лодыжке?

– Видимо, да, если сильно не повезет. Из этой артерии кровь вытекает очень быстро. Наверное, она поскользнулась и потеряла сознание, а когда пришла в себя, попыталась остановить кровотечение – руки тоже были в крови. Но ей не хватило сил, чтобы встать или позвать на помощь. На теле всего несколько порезов, но этого оказалось достаточно. Во всяком случае, так считает инспектор полиции, с которым я разговаривала. Он запросил вскрытие, так что патологоанатом передаст нам свое заключение.

Королева была благодарна Розе за то, что она не делала пауз в речи, проверяя, все ли в порядке с Боссом. Когда растешь с собаками и лошадьми, привыкаешь к несчастным случаям с разными жуткими подробностями. Привыкаешь к смерти. Она читала больше отчетов о гибели в бою солдат, чем ей хотелось бы помнить. Перед глазами стоял образ несчастной женщины, пытавшейся остановить поток собственной крови, и ей стало безумно жаль, что рядом не

было никого, кто мог бы ей помочь.

– Почему она была одна?

– Хозяин точно не знает. В той части дворца была одна единственная камера, да и та давно не работает. Может быть, решила обратиться после семейных посиделок. Она была в униформе, обычной одежды не нашли. Скорее всего, забегала всего на пять минут.

– Бедная миссис Харрис, – вздохнула королева. – Она была с нами столько лет. Совсем недавно я видела ее в Балморале.

– Да, кажется, она вернулась со второй сменой.

Королева задумчиво кивнула.

– Говорите, полиция считает, что она поскользнулась?

– Похоже на то.

– Дайте мне знать, если в этом ужасном происшествии обнаружатся еще какие-то открытия.

Рози прекрасно поняла, что Ее Величество имела в виду.

– Я уверена, что теперь-то мы имеем дело с несчастным случаем, – выпалила она. В прошлый раз, когда в королевской резиденции нашли труп, оказалось, что это не случайность.

Королева пристально посмотрела на нее через бифокальные очки.

– Никогда не будьте в чем-то твердо уверены. Сомнения помогают держать ухо востро.

– Поняла, мэм.

– Не могли бы вы узнать, случались ли с миссис Харрис какие-то неприятности в последнее время?

Королева все еще пронзала ее взглядом. Роза чувствовала ее беспокойство. На раздумья всего доля секунды: сдерживать ли обещание, данное летом сэру Саймону, или рассказать все, что ей известно? Она решила оставить некоторые мысли при себе. Речь шла о Синтии Харрис, так что всем заинтересованным лицам будет лучше, если все останется как есть.

– Кажется, я кое-что уже знаю, мэм. Неприятности действительно были.

– Неужели?

– Ей приходил целый ворох писем с оскорблениями, – вздохнув, объяснила Роза. – У нее было много недоброжелателей и, честно говоря, не без причины. Хотя я точно не знаю, что они чувствовали по отношению к ней.

– В чем же причина?

Роза подытожила все, что услышала от Лулу Арантес и сэра Саймона, и рассказала королеве историю об отставке и неожиданном возвращении.

– Очень многим это не понравилось и... – Роза сделала паузу.

– И что?

Беспощадный взгляд голубых глаз.

– Видите ли, мэм, как я понимаю, некоторые считали, что миссис Харрис неоправданно... Что она была довольно близ-

ка к вам, мэм, поскольку приводила в порядок покои для гостей, к которым вы так трепетно относитесь.

Рози задумалась, не слишком ли она прямолинейна, но на поиски более витиеватого способа рассказать правду времени не было. Сэр Саймон нашел бы способ, будь он здесь, а не дома с женой и крепким бренди.

Даже если королеву уязвили ее слова, она не подала виду.

– Спасибо, Роза. – Она сомкнула губы. – Почему мне раньше об этом не говорили?

– О чем, мэм? – спросила Роза, стараясь выиграть немного времени.

– О неприятностях, с которыми столкнулась миссис Харрис. Об отношении к ней, оскорбительных записках. Я ведь могла что-то предпринять.

– Я... Я не знаю. Сэр Саймон считал... Вернее, руководитель хозяйственной службы... – Роза изо всех сил пыталась подобрать конец фразы, чтобы он не звучал так, будто придворные совершили ужасную ошибку. Хотя, по ее мнению, именно так и было.

Королева кивнула, махнув рукой.

– Не сомневайтесь, они знают, что делают, – сказала она холодно.

– Да, мэм.

– Они не возражали против разговоров о том, что миссис Харрис могла оказывать на меня влияние.

Рози потрясла безапелляционность заявления Ее Величе-

ства, но возразить было нечего.

– Их это не устраивало. Но, прежде чем снова предложить ей уйти на пенсию, нужно было закончить кадровые процессы. Анонимные записки осложняли дело.

Королева на мгновение задумалась, глядя из окна кабинета на улицу Конституэйшн-хилл³³. Она обернулась, и ее голос приобрел стальные нотки.

– Есть ли еще сведения, от которых меня тщательно оберегают?

“Вагон и маленькая тележка!” – подумала Роза. – Но ничего такого, о чем стоило бы сообщить сейчас”.

– Насколько я знаю, нет, мэм. Если мне что-то придет на ум, я вам обязательно сообщу.

– Большое спасибо, можете идти.

Оставшись одна, королева вновь обратила взор на открывающийся из окна вид. Октябрьский день выдался сухим и прохладным, над деревьями раскинулось бледно-голубое небо. Для Лондона воздух был чистым и прозрачным, но после Шотландского высокогорья королеве отчетливо виделась дымка примесей, из-за которой все вокруг казалось сероватым. Ее Величество подозревала, что по возвращению столкнется с неприятностями. Но что бы такое?

Это правда, они с Синтией Харрис были в некотором ро-

³³ Конституэйшн-хилл – улица в историческом центре Лондона, соединяющая дворцовую площадь Букингемского дворца с Гайд-парком.

де близки. Если хочешь, чтобы дом работал как часы, стоит положиться на знатоков своего дела, которые соблюдают твои стандарты. Любая комната, которую готовила миссис Харрис, выглядела безупречно. Ни грязного пятнышка, ни пылинки. Потрепанные ткани заменялись как по волшебству, просьбы положить специальный набор книг или оставить цветы всегда выполнялись, учитывались даже аллергические реакции тех, кто сопровождал гостей. Не так давно, во время визита президента Мексики, произошел ужасный случай, когда спальню “Орлеан” в Бельгийском люксе заставили лилиями Касабланка, от чего у руководителя делегации моментально потекло из носа. Такого никогда бы не случилось, если бы за подготовку покоев отвечала миссис Харрис. Должно быть, это произошло в ее отсутствие. Хм...

Миссис Харрис была дружелюбной, но не прямолинейной, практичной, неутомимой, и королеве никогда не приходилось сомневаться в ее преданности. В Балморале она всегда хваталась за сачок и прыгала наравне с самыми молодыми горничными, стараясь поймать надоедливых летучих мышей. Иногда миссис Харрис обменивалась шутками с королевой. Она была внимательна к деталям – это было понятно из того, как она следила за комнатами, которые были в ее зоне ответственности. Но они были не так близки, как предполагала Роза.

Королева вздохнула. После шестидесяти трех лет пребывания на троне на нее было гораздо сложнее произвести впе-

чатление, чем думали некоторые обитатели дворца. Она замечала подхалимство миссис Харрис, ее порой чересчур суровое обращение с недавно нанятыми горничными, которое тут же сменялось благосклонностью, когда на горизонте появлялась высокопоставленная особа. Королеву удивляло, что эта женщина продолжает работать после достижения пенсионного возраста, поэтому в прошлом году она обратилась за разъяснениями к руководителю хозяйственной службы, но он ответил, что “это ее решение” и “все под контролем”. Майк Грин всегда так говорил. Но разве же это контроль? Знал ли он, что миссис Харрис нажила себе врагов? Мог ли он что-то с этим сделать?

Королева сняла очки и принялась крутить в руках перьевую ручку. На нее нахлынула смесь чувства вины и разочарования. Если кого-то не устраивала Синтия Харрис, он должен был сообщить об этом. С неудачным выбором цветов для Бельгийских покоев можно было смириться, если бы остальные сотрудники хозяйственной службы почувствовали себя лучше. Неужели домоправительница не упомянула об этом в своих записках? Королеве было жаль, что все думают, будто нужно всегда потакать чужим прихотям. Ведь желание, чтобы сотрудники ладили друг с другом, не просто блажь. Это же очень важно, правда?

В любом случае, сочетание надежности и таланта в одном лице – большая редкость, и королева будет скучать по миссис Харрис. Несчастливая женщина страдала от злобных ано-

нимок, а теперь она мертва.

Но было и кое-что еще.

Королева крепко задумалась, вглядываясь в даль. Роза дала понять, что ей нужно в чем-то разобраться. В чем же именно?

“Целый ворох писем с оскорблениями”. Миссис Харрис была не единственной жертвой!

Королева быстро протянула руку к телефону на столе и попросила соединить ее с руководителем хозяйственной службы.

– Доброе утро. Зайдите как можно скорее в мой кабинет, мне нужно с вами поговорить. Если вас не затруднит.

Глава 10

– *Что?!*

Вернувшийся к работе и, похоже, полностью оправившийся от шока сэр Саймон был в ярости.

Рози была непреклонна.

– Я рассказала королеве о записках. Пришлось.

– Да что вы говорите! И почему же?

– Мне задали вопрос.

– Она так и спросила? Не получала ли миссис Харрис каких-нибудь писем? Не было ли испорченных вещей?

– Нет, она спросила, были ли у миссис Харрис неприятности, о которых мне известно. Какие вещи вы имеете в виду?

– Неважно. Это же непубличная информация! Боже, Рози! Майк ведь и сам сказал мне о записках по секрету! Как мне теперь вам доверять?

Они были в его кабинете. Сжав кулаки, он стоял возле резного мраморного камина, а она – напротив него. Такие разговоры сидя не ведут. Честно говоря, это было чертовски похоже на взбучку, только в фирменном стиле сэра Саймона.

– Вы можете доверять мне, как и раньше.

– Да неужели?!

– Я не могу лгать королеве! – воскликнула Рози, повысив голос настолько же, насколько сэр Саймон.

– Я никогда не просил вас ей лгать, – ледяным тоном от-

ветил он. – Просто нужно дать правильному человеку самому рассказать свою историю. Неужели это так сложно?

Рози молчала. Она все понимала, но учитывала особые обстоятельства. Еще в конце прошлого года, когда она только поступила на службу во дворец, ей удалось установить с Ее Величеством доверительные отношения, о которых сэр Саймон даже не подозревал. Вот ему она могла солгать, если того требовала королева. Стоит хоть кому-то на секунду задуматься о том, как она относится к Рози, и помощницу личного секретаря тут же возненавидят за ее привилегированное положение, как это случилось с Синтией Харрис.

Рози не собиралась отчаиваться. Она прекрасно понимала, что делать дальше: продолжать врать. Нагло. Столько, сколько потребуется.

– Сэр Саймон, обещаю, такое больше не повторится.

Она называла его так только тогда, когда он повышал на нее голос, а случалось это крайне редко. По тому, как подрагивала щека личного секретаря, Рози знала, что ему немного стыдно. Еле заметный тик всегда его выдавал.

Глубоко вздохнув, она решила оставить за собой последнее слово и ретировалась в коридор, предельно осторожно закрыв за собой дверь.

Нельзя было допустить, чтобы сэр Саймон узнал о ее намерениях. Иначе он придет в бешенство. И будет абсолютно прав. К счастью, он явно не подозревал о том, что она скрывает, ведь в противном случае расвирепел бы еще сильнее.

Оставшись в одиночестве, Роза написала сестре, которая жила во Франкфурте, чтобы немного выпустить пар. Редкий день проходил без единого сообщения: одна из них обязательно скинет мем, они вместе посмеются над какой-нибудь шуткой или отправят друг другу несколько строчек эмодзи. Роза не рассказывала Флисс о том, что произошло, а сестра все понимала и не задавала лишних вопросов. Достаточно было скорчить глупую рожицу или сфоткаться с самым дурацким фильтром, который только удалось найти. Как обычно, Флисс попыталась научить ее новому слову на немецком. На этот раз *Backpfeifengesicht*, то есть “тот, кто по вашему мнению заслуживает оплеухи”.

В ответ Роза отправила две строчки “пальцев вверх”.

Выходные королева провела на встречах с друзьями. В понедельник утром сэр Саймон держался не просто холодно – его сердце превратилось в ледышку. Он снова вызвал Розу в свой кабинет.

– Чем я могу помочь?

– Лучше бы вы спросили, чем не будете мешать. Мы ждем полицию. Старший инспектор прибудет сегодня утром, и я поручаю его вам. У меня есть другие дела. Вы же понимаете, что пресса откроет охоту за подробностями о трупe во дворце?

Роза, у которой тоже весь день был расписан, молча кивнула.

– Будет сделано. О чем он...

– Его интересуют записки. Отличная работа, спасибо вам большое. Вы можете представить его Хозяину. Интересный получится разговор: “Мы не доверили вам решение этой проблемы и пожаловались Ее Величеству, а она вызвала полицию”.

Рози попыталась разглядеть, не идет ли у него пар из ушей.

– Хорошо, я организую встречу инспектора с Майком Грином. У вас есть информация о том, где он собирается работать?

– Меня практически не поставили в известность. Королева пригласила его в выходные, в перерыве между веселыми встречами, одному Господу известно, как ей это удалось. Единственное, в чем я уверен наверняка, так это в том, что он может приехать с сотней офицеров. Разместите их в Бальном зале. Закажите туда несколько компьютеров и доску. Пусть на время их визита это будет оперативный штаб.

– Будет сделано, сэр Саймон.

Напоследок просверлив ее взглядом, он вышел.

Вскоре после этого разговора Роза позвонили и сообщили, что к ней прибыл посетитель. Она подошла ко входу в Северное крыло и увидела, что полицейский пересекает двор перед дворцом, а гвардейцы в алых мундирах движутся по направлению к Сент-Джеймскому дворцу и постепенно исчезают из вида. Подойдя к полицейскому, она с удивлением

обнаружила, что видит его не первый раз.

Человек, кивнувший часовому у ворот, оказался старшим инспектором Дэвидом Стронгом, с которым она познакомилась в Виндзорском замке. Он был одним из тех, кто расследовал произошедшее там убийство. Дэвид Стронг был невысоким и приземистым, носил костюм с повязанным поверх него шерстяным шарфом с бахромой, защищавшим от осенней прохлады. Рози заметила, что волосы цвета соли с перцем слегка поседели с весны, но округлые розовые щеки придавали его лицу по-детски обаятельный, веселый вид. Она встретила его у двери с улыбкой и пожала руку.

– Дэвид! Рада снова вас видеть.

– И я вас, Рози. Простите, что задержался: решил посмотреть смену караула. В последний раз ее видел, когда был совсем маленьким. Шапки у них потрясные. Как они называются?

– “Медвежья шкура”.

– Их правда делают из настоящего меха?

– Меньше знаешь, крепче спишь. Проходите.

Рози проводила инспектора в свой кабинет и попросила ассистента сделать ему кофе (она до сих пор помнила, с каким озадаченным лицом ее слушал Баба Сэмюэл, когда она объясняла, что занимает должность помощницы личного секретаря, при этом по сути не являясь секретарем, как и личный секретарь Ее Величества. При этом у них есть два ассистента, которые как раз исполняют обязанности сек-

ретаря). Старший инспектор удобно устроился в антикварном кресле со спинкой между камином и высоким окном в георгианском стиле, занавешенным шелковыми шторами и скрытым от посторонних глаз металлической сеткой.

– Хорошее местечко.

– Мне тоже нравится, – согласилась Рози.

Стронг догадался, что бронированная сетка защищает находящихся в комнате от осколков в случае взрыва. Антиквариат и угроза взрыва. Словом, есть свои плюсы и минусы. Но все равно, кабинет довольно уютный.

– Ее Величество говорила, зачем я здесь?

– Сэр Саймон ввел меня в курс дела, – сказала Рози. – Вас попросили разузнать о записках, которые получала погибшая пару дней назад горничная.

– Так и есть. Но и о других тоже. Как я понял, не она одна получала записки оскорбительного содержания.

Рози кивнула и склонилась над столом, перебирая свои вещи.

– Да, есть еще несколько человек. Секретарша и сотрудница отдела питания. Миссис Харрис не пользовалась особой популярностью.

– Да, меня предупредили.

Рози вскинула голову.

– Неужели королева считает, что ее убили?

– И не она одна, верно? Вы же тоже так думаете?

– Вовсе нет! – воскликнула Рози и чуть менее уверенно

добавила: – Вряд ли.

– На самом деле, я уже видел отчет патологоанатома. Это действительно похоже на несчастный случай. Ужасно, конечно, но все сводится к тому, что она споткнулась, выронила стакан и упала на него, а зазубренный край стекла воткнулся в артерию. Ей не повезло. От такой раны можно истечь кровью за считанные минуты. По мнению патологоанатома, так сложились обстоятельства.

Рози старалась не выдать своего облегчения. Конечно же, это не убийство.

– Но Ее Величество не устроили результаты внутреннего расследования по поводу писем, – объяснил Дэвид и улыбнулся, поблагодарив ассистента за кофе.

Рози старалась не критиковать Хозяина в присутствии других сотрудников, поэтому сменила тему.

– Удивительно, что прислали именно вас. Вы во всех королевских дворцах работаете?

Стронг рассмеялся.

– Ах, если бы! На самом деле, королева специально попросила прислать меня. Я думал, вы мне как раз и объясните почему. В первый и последний раз мы виделись в Виндзоре, и не могу сказать, что я тогда отработал на отлично.

– Но вы же раскрыли дело.

– Нет, – возразил Дэвид, криво усмехнувшись, и сделал глоток кофе. – За меня это сделали другие люди, и я никогда не узнаю, как им удалось собрать все кусочки воедино. Но,

видимо, моя репутация не сильно пострадала. К счастью, у меня уже есть здесь знакомые, вы и сэр Саймон. От этого легче. И команда всегда готова прийти на помощь.

– Напомните-ка... – попросила Розы. Она знала, что Дэвид Стронг работает в управлении по борьбе с тяжкими преступлениями, но плохо разбиралась во внутренних административных тонкостях. Сэр Саймон точно не стал бы задавать таких глупых вопросов.

– Мое подразделение берет на себя самые интересные дела. Можно сказать, что мы эдакая секретная детективная служба полиции. Правда, секретного в ней ничего нет, но мне нравится атмосфера таинственности.

Он допил кофе, и Розы предложила ему наведаться к Хозяину. Короткий коридор заканчивался двустворчатыми дверьми, за которыми им открылось все великолепие Мраморного зала. Стронг разглядывал лепнину на потолке и колонны в стиле неоклассицизма, вертя головой во все стороны, как будто не мог поверить, что видит своими глазами такое великолепие. Розы, уже привыкшая к роскошным интерьерам, продолжала разговор.

– Вы всю команду взяли с собой? – спросила Розы, вспомнив язвительное замечание сэра Саймона о Бальном зале.

– Нет, – ответил Стронг, отводя взгляд от бесценной скульптуры, и зашагал быстрее, чтобы нагнать помощницу личного секретаря. – Честно говоря, сейчас я не вижу смысла вызывать подкрепление, пока что я прихватил с собой од-

ного сержанта. Думаю, нам хватит парочки наводящих вопросов. Ничего такого, что могло бы его отпугнуть. Нельзя, чтобы сэр Майк Грин подумал, что мы суем нос в его дела.

Рози усмехнулась.

– Это точно.

Стронг покосился на нее. Пронзительный взгляд его карих глаз резко контрастировал с мягкими румяными щеками.

– Стоит ли мне предположить, что это вы рассказали Ее Величеству о записках?

– Без комментариев, – ответила Рози. – И кстати, он просто “Майк Грин”, а не “сэр Майк Грин”.

– Ха! Уверен, что второй вариант бы ему польстил.

– Рыцарское звание не присваивается автоматически, к тому же Майк работает совсем недавно. Однажды он его получит.

– Расскажите мне как-нибудь поподробнее обо всех этих тонкостях?

– Я в них не очень хорошо разбираюсь, лучше спросить у лорда-камергера.

– А к нему как обращаться?

– Лорд Пил.

Стронг тихонько хрюкнул от смеха, что было, конечно, не очень вежливо.

Рози не сбавляла темпа, ведя инспектора по красной ковровой дорожке, мимо позолоченных дверей из красного де-

рева и портретов предков королевы в натуральную величину. Наконец они дошли до конца коридора, где позолота резко заканчивалась, а ковровая дорожка сменяла алый цвет на более практичный коричневый.

Рози повернула налево, и Дэвиду пришлось немного пробежаться, чтобы не отстать.

– Мне стыдно за такой вопрос, но долго ли еще идти?

– Мы почти пришли. Это Южное крыло.

– И часто вам приходится совершать такие походы?

– Иногда по несколько раз за день. Личные покои королевы находятся в том же крыле, что и мой кабинет, так что с этим попроще.

Стронг бросил взгляд на каблуки.

– Как вы это делаете?

– Дело привычки, – с улыбкой ответила Рози. – Вот мы и пришли. Позвольте вас представить руководителю хозяйственной службы. Надеюсь, он нас ожидает.

Майк Грин встретил их с такой кислой миной, что сразу стало ясно – он их действительно ждал.

Глава 11

День выдался насыщенный, и королева с удовольствием пропустила перед ужином бокальчик джина с дюбонне³⁴. Этим вечером ее сопровождала леди Кэролайн Кадуолладер, одна из ее фрейлин. Они смотрели по телевизору новости почти без звука, и королева задумалась о том, справится ли Майк Грин с приездом старшего инспектора.

Как только эта мысль пришла ей в голову, на экране появился фасад Букингемского дворца и кадр павильона, где находился бассейн, снятый с высоты птичьего полета.

– Боже, смотрите! – воскликнула леди Кэролайн. – Это же мы! Просто *кошмар*, да? Хотите, я сделаю погромче? Кстати, в кулуарах ходят слухи, что к нам приехал полицейский. Это правда?

Королева только кивнула в ответ и бросила взгляд на бесполезный пульт, лежавший возле фрейлины.

– Он же не думает, что у нас тут происходят какие-то грязные делишки?

– Насколько я знаю, нет.

– А я вот не удивлюсь, если он что-нибудь эдакое раскопает, – простодушно заметила леди Кэролайн. – Миссис Харрис, говорят, была той еще занозой. Когда ее с пенсии вернули, такой сыр-бор поднялся! Только и разговоров, что о ней.

³⁴ Дюбонне – французский аперитив на основе крепленого вина.

– Мне об этом не докладывали, – угрюмо сказала королева.

– Конечно, мадам! Я понимаю, у вас и без того много забот. Уверена, что Майк Грин делал все, чтобы разобраться с ситуацией. Он...

Речь фрейлины прервал стук в дверь, и на пороге появился герцог Эдинбургский.

– Что за дурдом у нас творится? Ты слышала, что по телевизору говорят?

– Нет, – ответила с легким вздохом королева. – Кэролайн как раз собиралась мне об этом рассказать.

– Они придумали какую-то байку о том, что Евгения и Беатрис оставили в бассейне бокалы с шампанским. Якобы женщина поскользнулась и упала на разбитую бутылку “Дом Периньон”!

– Фантазеры! – воскликнула леди Кэролайн. – Меня поражают люди с таким бурным воображением.

– А меня раздражают!

– Получается, полиция за этим и приехала? – спросила она. – Изучать разбитое стекло?

– Они с этой техникой безопасности уже совсем с ума посходили, – проворчал герцог.

– Нет, – ответила королева фрейлине. Она рассказала о записках и отметила, что руководителю хозяйственной службы пока не удалось разобраться в этом деле.

Филип презрительно фыркнул.

– Майк Грин в очередной раз вышел на новый уровень некомпетентности. Он же абсолютно бестолковый: работает всего ничего, а уже сколько напорточил!

– Неужели все так плохо? – спросила леди Кэролайн. – В этой истории с записками.

Королева задумалась об аспектах этого дела, которые больше всего ее беспокоили.

– Одна сотрудница нашла на сиденье своего велосипеда записку отвратительного содержания, а миссис Харрис столкнулась с тем, что кто-то изрезал ее одежду.

Филип поморщился.

– Ну, девочки, если дело только в велосипедах и шмотках, тогда я пошел. И да, надо будет сказать Тристраму из Би-би-си, что мы тут не сидим целыми днями в пижамах у бассейна, попивая “Дом Периньон”!

Снова оставшись наедине с королевой, леди Кэролайн попросила рассказать подробнее о случае с запиской.

– Несчастливая девушка, Мэри ван Ренен – кажется, так ее звали, – была в жутком смятении! – объяснила королева. – Я рассказала об этом Майку, но он заверил меня, что они с Мэри обсудили эту ситуацию. Якобы отвергнутый ухажер решил ей нервы потрепать. Майк считает, что это ерунда.

– Какой ужас!

– Вот-вот. Бедняжка, он ведь ее преследовал, поджидал у дома. Разве же это ерунда?

– Нет, конечно! А вы обсуждали эту ситуацию с герцоги-

ней Корнуольской?

Камилла не знала, но новость о преследованиях сотрудницы дворца совершенно точно встревожила бы ее не меньше, чем саму королеву. Она работала с благотворительными организациями, которые помогали женщинам в подобных ситуациях, и рассказывала Ее Величеству о масштабах и опасностях домашнего насилия. К таким вещам Камилла относилась очень серьезно. Считается ли домашним насилием случай, когда жертва не знает нападавшего? Королева была не уверена, но это и не важно. Майк Грин в любом случае должен был разобраться и принять соответствующие меры.

Она тяжело вздохнула. Его предшественник точно знал бы, что делать. Вкупе с эмпатией и чувством такта, он обладал непререкаемым авторитетом и твердым внутренним стержнем. Именно поэтому ее семья часто назначала на такие должности старших офицеров. Как правило, они сочетают в себе честь с мягкой, но уверенной силой – именно такими должны быть придворные королевы. Филип был прав. Он никогда не стал бы отдавать должное офицеру ВВС – даже бывшему пилоту истребителя, коим был Майк Грин, – потому что считал, что ни одна служба не дотягивает до флота, и в данном случае королева была склонна согласиться с мужем.

На следующее утро, сидя за рабочим столом, Ее Величество получила подтверждение своим представлениям о том,

какими компетенциями должны обладать старшие офицеры, которые, к счастью, оправдывали возложенные на них ожидания. Вместе с коробками королева получила письмо от Второго морского лорда из Портсмута. Еще будучи в Балморале, она спрашивала его о написанной маслом картине, на которой изображена “Британия”, – “убогая картинка”, как обычно называл ее Филип. Герцог Эдинбургский никак не мог понять, что она в ней нашла.

Так вышло, что Второй морской лорд, ныне адмирал, много лет назад служил личным адъютантом Филипа, и королева была достаточно хорошо с ним знакома, чтобы надиктовать для него записку. Иногда в таких делах лучше задействовать неформальный подход. В вежливой, но настойчивой форме Ее Величество изложила, что эта картина принадлежит ей и пропала в середине восьмидесятых. Она знала, что Второй морской лорд не виноват в том, что “Британия” оказалась у него: он занимал эту должность с прошлого лета, а картина провисела в его кабинете как минимум десять лет. Тем не менее он оказал бы королеве неоценимую услугу, если бы поспособствовал возвращению полотна.

Его ответ состоял из сплошных оправданий. Второй морской лорд объяснял, что задержался с ответом, так как совсем недавно вернулся из отпуска, но, как только он получил записку, сразу же поручил одному молодому, но очень смышленому лейтенанту выяснить все обстоятельства, при которых собственность Ее Величества случайно оказалась у

него. Также, лично осмотрев картину, он заметил, что она очень грязная (снова оправдания) и договорился о чистке за счет Королевского флота.

Закончив читать письмо, королева тяжело вздохнула. Ну нет! Зачем?! Неужели отговаривать его уже слишком поздно? И задумалась в поисках подходящих аргументов.

Как бы то ни было, в отличие от контактных лиц Розы в службе снабжения министерства обороны, которые были совсем не заинтересованы во вмешательстве в эту историю, молодой, но очень смысленный лейтенант быстро выяснил, что “Британию” лично выписал Второй морской лорд, занимавший эту должность десять лет назад:

Я связался с ним и выяснил, что в данный момент он благополучно проживает старость в Нью-Форесте и, ко всеобщему счастью, еще не сошел с ума. По его словам, он каждый день разгадывает кроссворды и смотрит телевикторины на Би-би-си. Также он сообщил, что отлично помнит разыскиваемую вами картину и что впервые увидел ее в девяностые, в здании министерства обороны на улице Уайтхолл, где она висела в угловом кабинете какого-то воротилы, занимавшегося закупками. Годы спустя, заняв пост 2-го морск. лорда, он попросил узнать, можно ли забрать ее себе. Он не рассчитывал на положительный ответ, но решил, что за спрос денег не берут. К его удивлению, выяснилось, что картина томится в центральном хранилище. В 2004

году он забрал ее в свой кабинет, и с тех пор она висит напротив моего рабочего стола.

Королева задумалась о том, что документы министерства обороны хранятся лучше, чем ее собственные. Хотя это, пожалуй, немного несправедливо. Сейчас целая команда архивариусов и консерваторов может бросить все силы на то, чтобы найти иголку в стоге сена, тогда как в начале ее правления могла потеряться даже картина Караваджо в раме, и отыскать ее в недрах одного из дворцов было величайшей удачей. На самом деле, как раз в восьмидесятые такое положение дел и начало меняться. Именно тогда появился Шолто Харви. Она с нежностью вспомнила бывшего заместителя хранителя королевских картин. Блестящий планировщик с передовым мышлением, после скандального ухода Энтони Бланта³⁵ он стал ей почти другом. Шолто Харви был специалистом по творчеству Леонардо и всего за неделю он научил королеву отлично разбираться в искусстве, чего не удавалось ни одному из его предшественников. Очень жаль, что он прослужил совсем недолго.

Как бы то ни было, “убогая картинка” наконец-то отправилась домой, и королева гадала, в каком состоянии ее привезут, когда флот соизволит с ней распрощаться. Но оста-

³⁵ Энтони Блант (1907–1983) – хранитель картинной галереи королевы с 1945 по 1973 год, когда Маргарет Тэтчер раскрыла информацию о том, что он работал на советскую разведку.

вался еще один неудобный вопрос: как вообще так вышло, что картина оказалась в кабинете служащего министерства обороны, если ее должны были вернуть на прежнее место, в покои королевы, еще в 1986 году, когда она возвращалась из поездки в Китай? Если шестьдесят лет правления ее чему-то научили, так это тому, как важно заботиться о мелочах. Большие проблемы всегда очевидны, и министры с придворными делают все возможное, чтобы их решить. Однако наличие мелких означает, что кто-то их просто не замечает. Произошло ли так на этот раз? И коли так, то что еще могло остаться без должного внимания?

Королева как раз размышляла об этом, когда в кабинет вошел сэр Саймон, чтобы забрать коробки с документами и обсудить расписание Ее Величества на день.

– Президент Хорватии прибудет в сопровождении мужа, – сказал сэр Саймон, заглянув в свои записи. – Во второй половине дня она встретится с премьер-министром, и главной темой их разговора, несомненно, станет брексит. Чуть более полугода назад ей нанесли визит принц Уэльский и герцогиня Корнуольская, и вы наверняка захотите передать уважаемой госпоже президенту их наилучшие пожелания. У меня как раз есть для вас заметки по этому случаю. – Он открыл тонкую кожаную папку, которую нес в руках, и вдруг на мгновение опешил, но тут же взял себя в руки. – Прошу прощения, мэм. Похоже, я оставил их на столе. Если вам будет угодно, я сейчас же пойду и...

– Саймон, с вами все в порядке?

– Да, мэм! Все отлично. Просто прекрасно!

– Кажется, вас что-то беспокоит.

– Ничуть, мэм. – Он поправил галстук, королева молча за ним наблюдала. – Мэм, если вы имеете в виду инцидент в бассейне, то могу заверить вас, мэм, что я полностью оправился.

“Мэм-мэм”, как будто пластинку заело. С ним часто такое случается, когда он нервничает. Королеве казалось, что с прошлой недели, когда сэр Саймон обнаружил труп, он полностью восстановился, как и ожидалось от бывшего офицера морского флота. Возможно, она ошиблась.

– Вы в этом уверены?

Под пронзительным взглядом голубых глаз все его тело как будто съежилось. Сэр Саймон действительно чувствовал себя не лучшим образом. Обычно в такой ситуации он уверенно делал вид, будто ничего не произошло, но в этот раз не смог смириться с мыслью о том, что королева могла подумать, будто его так поразили вид мертвой женщины в луже запекшейся крови. Ему, безусловно, было жаль, что так вышло, но *не более того*. Дело было в Розе. И хотя королева, кажется, очень к ней привязалась и могла не совсем правильно его понять, он все же решил сказать правду.

– Всего лишь небольшие трудности с помощницей. В последнее время она создала несколько локальных проблем, но я уверен, что она быстро научится. Мы их мигом уладим.

Все...

“Под контролем”, – подумала королева за долю секунды до того, как он произнес эти слова. “Так и будет”.

– Боже, – сказала она, – могу ли я чем-то помочь?

– Мы справимся, мэм.

Похоже, это из-за приезда старшего инспектора. Пока они говорят, Майк Грин в своем кабинете, наверное, пытается как-то выкрутиться. Бедняжка Роза: рассказав о записках, она всего лишь действовала так, как ее попросили. У сэра Саймона совершенно неправильные представления о том, на кого она работает.

– Ни на секунду в этом не сомневаюсь, – ответила королева с дежурной улыбкой, и после ее слов личный секретарь заметно расслабился. – А теперь, если не возражаете, я все же хотела бы получить от вас записки с подсказками.

Пока его не было, королева обдумывала план действий. Сэр Саймон явно все еще потрясен страшной находкой, и, даже несмотря на свой профессионализм, не сдержался и сорвался на младшей сотруднице, которая не заслуживает такого отношения. Королева чувствовала свою вину за то, что подкинула ему такую удобную мишень. Ведь это она заставила Розу рассказать всю правду о миссис Харрис, а потом подставила Майка, вызвав полицию.

От рассылки оскорбительных писем пострадали три женщины. Секретарша хранителя тайного кошелька подала в отставку, сотрудница отдела общественного питания взяла

больничный, чтобы справиться с последствиями стресса, а горничная погибла – по очень странной случайности. Больше никого эта ситуация чересчур не обеспокоила, поэтому королева не стала приносить извинения за свой поступок. Она попросила старшего инспектора быть поделикатнее, и такая просьба его явно задела.

Рози тем временем пришлось принять весь удар на себя. Она рассудила, что пару дней не стоит попадаться на глаза сэру Саймону и Майку Грину. Этого времени им хватит, чтобы остыть, а ей – чтобы отдохнуть.

Королева просмотрела распечатку со списком дел. После визита президента Хорватии у нее запланированы аудиенции с тремя высокопоставленными военными. Уильям в этот день проведет в Бальном зале церемонию вступления в должность. Филип встречается в Эркерном зале с фермерами, занимающимися молочным животноводством, а затем обедает в зале 1844 года³⁶ в компании ученых-исследователей болезней сердца и легких. Во второй половине дня несколько личных встреч, а вечером нужно будет присутствовать на приеме в Королевской Академии – придется нарядиться в шелка и бриллианты. Королева подумала, что если нигде не задерживаться, то между выгулом собак и подготовкой к приему можно выкроить свободную минутку, – и сделала в списке соответствующую пометку.

³⁶ Зал 1844 года называется так в честь прошедшей в нем в этом году встречи с российским императором Николаем I.

В назначенное время Розы явилась на аудиенцию в гостиную Ее Величества. В зале царила атмосфера уюта и комфорта: на мягких креслах лежали пухлые подушки, повсюду стояли в рамках семейные фотографии, а лампы горели теплым светом. Но даже такая обстановка не помогала Розы успокоиться. Она изо всех сил пыталась скрыть волнение, но безуспешно, и королева впервые видела ее в таком состоянии. Бедняжка застыла посреди комнаты, готовясь услышать плохие новости. Интересно, что ей наговорил сэр Саймон – точно не слова поддержки.

– Розы, у меня для тебя весьма необычное задание, – сказала королева, сидя на диване.

– Какое, мэм?

– Я хотела бы, чтобы ты навестила одного человека, который раньше работал на меня.

– Правда?! – воскликнула Розы, широко раскрыв глаза. Такого она не ожидала.

– Шолто Харви, специалист по истории искусства. Он работал здесь в восьмидесятих годах прошлого века и, возможно, сумеет разобраться в том, как моя картина оказалась в архивах министерства обороны.

– Правильно ли я понимаю, что вам удалось ее вернуть?

– Верно, – согласилась королева. – Но я все еще не понимаю, почему мне в принципе пришлось ее возвращать. Что-то тут не так.

– Мэм, мне очень жаль, что я не смогла решить эту проблему за лето. Я очень старалась, но...

– Ни капли не сомневаюсь. Обычно у вас все получается, и это тоже показатель того, что ситуация крайне необычная.

– Я не... – смущенно пролепетала Роза.

– Если бы все было так, как должно было быть, то вы с легкостью справились бы с этой задачей. И именно поэтому я беспокоюсь. Поскольку прежнего хранителя уже нет с нами, я надеюсь, что мистер Харви, его бывший заместитель, сможет нам помочь. Если я правильно помню, он живет в Котсуолдсе, и мне бы хотелось, чтобы вы его навестили. Интересующие нас события произошли очень давно, и мистеру Харви может потребоваться немного времени, чтобы вспомнить что-то важное. Поэтому предлагаю вам поселиться неподалеку и заглядывать к нему несколько дней подряд.

К тому моменту, как королева закончила объяснять задачу, глаза Розы стали круглыми от удивления.

– То есть мне нужно поехать в Котсуолдс на два дня?

– Или даже на три, – ответила королева и улыбнулась шире, чем было положено.

– Мэм, прошу прощения, но, боюсь, у меня не хватит на это времени. Нужно разобраться с инспектором, организовать встречу на государственном уровне, а еще ваша речь о миротворчестве...

– Инспектор без вас не пропадет. С визитом и речью уже всю работу делаете?

– Да, мэм, конечно, но...

– Эти дела возможно доделать с ноутбука?

– Да, но...

– Тогда, может быть, получится уехать в эти выходные?

Рози сделала глубокий вздох, и королева поняла, что не все так просто.

– Есть и другие дела?

– Видите ли, у подруги свадьба в субботу, – призналась

Рози.

– Ах, свадьбу ни в коем случае нельзя пропускать! В таком случае, отправляйтесь в воскресенье и оставайтесь там до вторника, если потребуется. Надеюсь, мистер Харви будет дома.

– Но во вторник к вам придут Патриарх Московский и архиепископ. А Верховный Комиссар...

– Мне поможет сэр Саймон. Они встречались со мной и раньше, мы точно справимся.

Рози посмотрела на нее с искренним изумлением, как бы вопрошая: *“И все это ради одной картины?!”*

Собственно, да. К тому же будет полезно ненадолго отдалиться от сэра Саймона. Королева и сама понимала, насколько это странно, однако ее не покидало ощущение, что в этом деле что-то неладно, и не попытаться выяснить, что именно, было бы огромным упущением.

Глава 12

Рози выяснила, что Шолто Харви живет в одной из самых живописных деревень Котсуолдса в таком красивом коттедже, что о нем даже писали в двух национальных журналах.

Судя по голосу, он обрадовался ее звонку: ему было приятно получить весточку из дворца. Шолто настоял на том, чтобы Рози остановилась у него, вместо того чтобы “ютиться в каком-нибудь крошечном хостеле в глуши”. Если его и удивила – даже поразила – неожиданная просьба посланницы королевы, то он не подал виду. Деловито поделился своими контактами, отправил ей по электронной почте подробную инструкцию, как добраться до коттеджа несколькими маршрутами и добродушно попросил привезти ему из “Фортнума” пару головок французского сыра, который невозможно достать в Уилтшире, пообещав возместить расходы.

В пятницу Рози осталась работать допоздна, чтобы разгрести как можно больше дел. А в субботу утром проснулась под бодрое постукивание тележки и напевы Лулу Арантес.

Рози открыла дверь, чтобы с ней поздороваться, и увидела, что одна рука у женщины на перевязи. Интересоваться, что случилось, она не стала. После привычного разговора о полотенцах и постельном белье Лулу спросила, какие у Рози планы. Она ответила, что собирается на свадьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.